

КУЛЬТУРА ВОЗРОЖДЕНИЯ

ОБРАЗОВАНИЕ, ВОСПИТАНИЕ, НАУКА В КУЛЬТУРЕ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Культура Возрождения

Коллектив авторов

**Образование, воспитание, наука
в культуре эпохи Возрождения**

«АЛЬМА МАТЕР»

2024

УДК 94(4)"15/16"
ББК 63.3(4)

Коллектив авторов

Образование, воспитание, наука в культуре эпохи Возрождения /
Коллектив авторов — «АЛЬМА МАТЕР», 2024 — (Культура
Возрождения)

ISBN 978-5-904994-59-4

Сборник трудов составлен по материалам двух конференций, проведенных комиссией по культуре Возрождения научного совета «История мировой культуры» РАН в 2019 и 2020 гг. В статьях известных отечественных специалистов по истории ренессансной культуры, представленных в сборнике, исследуются характерные для эпохи черты воспитания, педагогическая теория и практика, отношение к античному и средневековому наследию. Ряд работ посвящен идеям гуманистического образования, их разработке в сочинениях мыслителей эпохи и применению в учебных заведениях. Особое внимание уделено научному знанию, новым достижениям в области естественных и точных дисциплин. В приложении впервые публикуется перевод ряда неизвестных отечественному читателю документов эпохи по затронутым в сборнике проблемам. Для всех интересующихся историей ренессансной и мировой культуры. This book incorporates materials of two conferences held by Commission of the Renaissance Culture and Scientific Council of the Russian Academy of Science in 2019-2020. The articles of noted Russian experts of the history of Renaissance culture that are put together in this book examine characteristic features of Renaissance education, pedagogics, and its attitude to the ancient and medieval tradition. Some articles are dedicated to the idea of humanistic formation in its theoretical aspects and in practice of educational institution of this period. Another principal concern of this book is Renaissance Scientific knowledge and new achievements in the natural and exact sciences. The Appendix of this book is supplied with a first time published Russian translation of some documents concerning science and pedagogical theory of the Renaissance. This book is intended for all interested in the Renaissance or world culture. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(4)"15/16"

ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-904994-59-4

© Коллектив авторов, 2024

© АЛЬМА МАТЕР, 2024

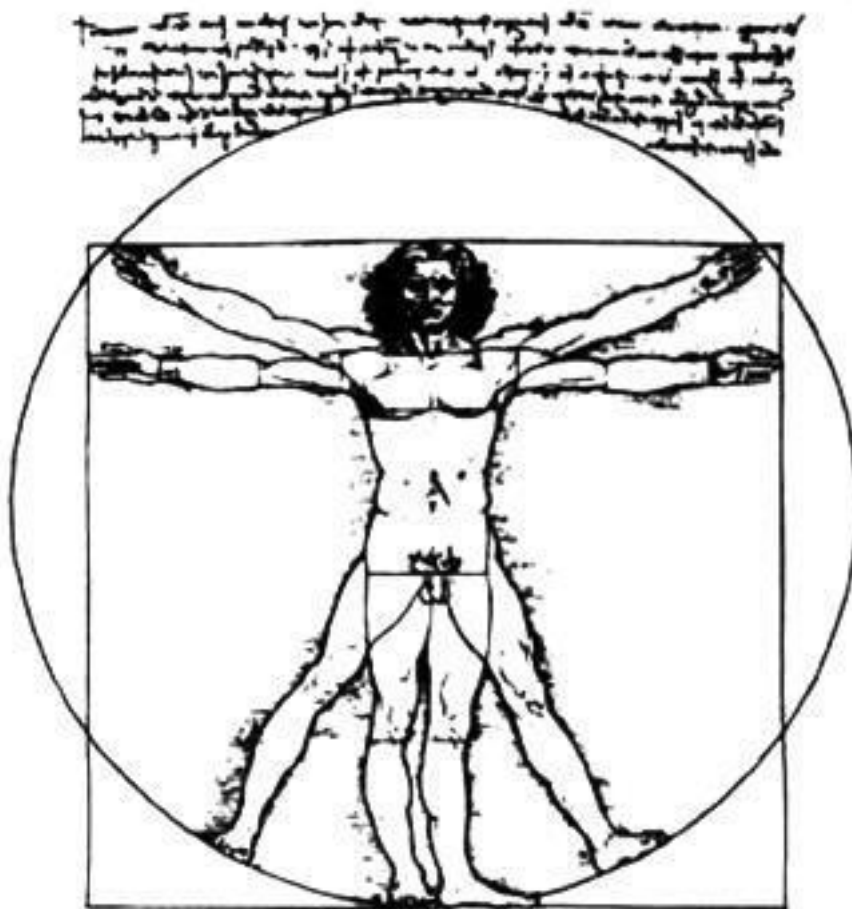
Содержание

Предисловие	9
Гуманистические принципы образования и воспитания	10
И. А. Краснова	10
А. В. Топорова	22
Т. В. Сони́на	27
Н. В. Ревякина	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Образование, воспитание, наука в культуре эпохи Возрождения

Составитель О. Кудрявцев

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
НАУЧНЫЙ СОВЕТ «ИСТОРИЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ»
КОМИССИЯ ПО КУЛЬТУРЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Эпохи. Средние века. Исследования

Культура Возрождения

В оформлении обложки использованы:

На лицевой стороне – Максимилиано Сфорца во время занятий. Миниатюра из манускрипта Giovanni Battista Lorenzi. Liber Iesus. Archivio Storico Civico e Biblioteca Trivulziana del Castello Sforzesco. MSS. Triv. 2167. f. 13v

На обороте – Ганс Гольбейн Младший. Портрет Эразма Роттердамского. 1528. Париж, Лувр

EDUCATION, FORMATION AND SCIENCE IN THE RENAISSANCE CULTURE

Рецензенты:

доктор исторических наук *Ю.П. Зарецкий*
кандидат исторических наук *Т.Д. Стецюра*
доктор искусствоведения *А.А. Карев*

This book incorporates materials of two conferences held by Commission of the Renaissance Culture and Scientific Council of the Russian Academy of Science in 2019–2020. The articles of noted Russian experts of the history of Renaissance culture that are put together in this book examine characteristic features of Renaissance education, pedagogics, and its attitude to the ancient and medieval tradition. Some articles are dedicated to the idea of humanistic formation in its theoretical aspects and in practice of educational institution of this period. Another principal concern of this book is Renaissance Scientific knowledge and new achievements in the natural and exact sciences. The Appendix of this book is supplied with a first time published Russian translation of some documents concerning science and pedagogical theory of the Renaissance.

This book is intended for all interested in the Renaissance or world culture.

© Коллектив авторов, 2024

© Издательская группа «Альма Матер», оригинал-макет, оформление, 2024

© Издательство «Альма Матер», 2024

Предисловие

Научные свершения и открытия Возрождения, перемены и достижения в области образования и воспитания привлекали внимание исследователей с самого начала изучения культуры этой эпохи. Строго говоря, в них видели и находили характерные черты ее своеобразия, исторически уникальный, неповторимый лик. Ибо невозможно ее представить, игнорируя гелиоцентрическую систему, разработанную Коперником, новые географические открытия, кардинальные перемены в космо- и картографии, обращение к традиционной античной учености и становление опытно-экспериментального знания, возникновение академий, или ученых сообществ нового типа, а также публичных библиотек, музеев, кунсткамер, демонстрирующих выдающиеся произведения искусства и диковинные явления природы. Взрастившая всю ренессансную культуру вера в достоинство человека, его исключительное положение во Вселенной отразилась и в идеологии нового научного движения, декларировавшей всемогущество человека, вооруженного основанным на опыте знанием, его безграничные возможности извлекать пользу из наличных вещей и объектов, преобразовывать, совершенствовать, эстетически оформлять окружающую его природную и социальную среду, а также себя самого, свой духовный и физический облик. Соответственно этим идеалам ренессансным гуманизмом формулировались воспитательные и образовательные задачи, проектировались и создавались новые и подвергались преобразованию традиционные учебно-воспитательные учреждения, нацеленные на то, чтобы культивировать всесовершенство человека, поощрять безграничность его творческих устремлений, развивать способность к постижению глубинных основ миропорядка, физического, социального, духовного.

В мировой историографии проделана большая работа по комплексному изучению и монографическому освещению важнейших памятников, явлений и тенденций научного развития в эпоху Возрождения. Стоит упомянуть классические труды таких исследователей, как П. Дюгем, Л. Олышки, Л. Торндайк, А. Койре, В.П. Зубов, А.Э. Штекли, И.Д. Рожанский. Фундаментальные исследования обобщающего характера с публикацией большого документального материала посвящены исследованию ренессансной этико-педагогической мысли и школы, ранним формам научных сообществ и образовательных заведений нового типа; из числа многих прочих нужно выделить публикации М.С. Корелина, К. Чарлтона, Э. Гарэна, М. Боуэна, Г. Мюллера, Н.В. Ревякиной.

Судьбы науки и образования ренессансной эпохи освещались и обсуждались в многочисленных докладах и сообщениях на представительных междисциплинарных конференциях, проведенных в Москве в 2019 и 2020 гг. комиссией по культуре Возрождения научного совета РАН «История мировой культуры». Основные итоги научных дискуссий, развернувшихся на этих форумах, содержатся в статьях, которые собраны в публикуемом сборнике и которые, хочется верить, внесут свой вклад в дальнейшее изучение затронутых в них проблем.

О. Ф. Кудрявцев

Гуманистические принципы образования и воспитания

И. А. Краснова

Воспитание гражданина коммунального общества Флоренции XIV–XV вв.: роль улицы и семьи

Сознание молодых флорентийцев подвергалось целенаправленному воздействию прежде всего на городских площадях и улицах. Они росли в городе, отличающемся насыщенной постоянной политическим напряжением атмосферой. Почти два столетия предвыборная лихорадка не спадала во Флоренции, где значительное количество граждан имело права избирать и быть избранными в структуры коммунального управления; каждые 3–5 лет обновлялись избирательные списки, нескончаемо шло обсуждение кандидатур на должности и голосование за них в разных коллегиях, каждые два месяца в полномочия вступал новый состав приората – основной правящей коллегии (синьории). Средоточием общественной жизни являлась площадь Синьории, где постоянно пребывал народ, ожидая известий о результатах голосования за новые постановления и законы, о проскрипционных списках, перечнях имен осужденных и высланных, объявленных мятежниками или, наоборот, получивших помилование.

Юноши рано втягивались в общественную жизнь: с 15 лет они становились членами своего гонфалона¹, вносились в списки отряда ополчения, вставали в ряды публичных шествий и процессий, привлекались к праздничным действиям и ритуалам. На них возлагались определенные полицейские обязанности по несению ночного дозора, охране порядка, противопожарной службе. Им поручалось устраивать праздничные иллюминации, участвовать в джострах и турнирах, вменялось в обязанность доносить обо всех подозрительных сборищах, слухах и речах, которые могли быть признаками заговора против существующего режима.

Флорентийские мальчики и подростки учились гордиться своим отечеством, активно участвуя в обрядах праздничного поведения и массовых действиях, выражающих образы коммунальной идентичности и социального единства по случаю различных дат года, знаменательных в литургическом или политическом плане. Тогда все граждане коммуны должны были составить «совокупное социальное тело, светское и церковное, направляющееся, чтобы принести оммаж святым покровителям в часовнях и церквях, названных в их честь»². Всеобщая процессия как блестящий гражданский ритуал являлась главной составляющей праздника, поэтому она должна была превосходить великолепием и репрезентативной мощью другие манифестации горожан: выставки образцовых ремесленных изделий, угощения, состязания палио³, мистерии и балы, демонстрирующие богатство, красоту, могущество и справедливость города на Арно, воплощаемые образами свободы и народоправства. Порядок этих гражданских шествий, нацеленных на утверждение превосходства и монолитности республики, отразился в коммунальном законодательстве 1321–1325 гг.⁴, в котором четко устанавливалось место каждого корпуса представителей церкви и мирян во время следования по застланному голу-

¹ Guidi G. Il governo della città-repubblica di Firenze del primo Quattrocento. Gli istituti “Di Dentro”, che componevano il governo di Firenze nel 1415. Firenze, 1980. Т. II. Р. 67.

² Ventrone P. La festa di San Giovanni: costruzione di un’ identità civica fra rituale e spettacolo // Annali di storia di Firenze. Firenze, 2007. Vol. II. Р. 49.

³ Палио – древний обряд состязания, чаще всего в виде конных ристаний, в котором победитель награждался пышным и тяжелым шелковым полотнищем.

⁴ Статуты соответственно Подеста и Капитана народа, отредактированные в 1321–1325 гг., приведены в следующем издании: Statuti della Repubblica fiorentina / A cura di G. Pinto, F. Salvestrini, A. Zorzi. Firenze, 1999. Р. 5–7.

бым штофом улицам для подношения даров и пожертвований во время главных коммунальных праздников – дня покровителя города св. Иоанна Крестителя – 24 июня и дня основания Флоренции, который отмечался 8 октября. Дети, как участники и наблюдатели, ощущали себя не только неотъемлемой частью коммунального социума как единого целого, они постигали и неизбежность его устройства, воплощенного в заданной иерархической схеме организации шествия. В сознании запечатлевался определенный политический, институциональный и социальный порядок, воплощаемый в построении шествия. Молодые граждане привыкали гордиться своим городом, ибо роскошь и величие процессии являлись авторепрезентацией, адресованной послам или чужеземным гостям⁵.

Указанные законы предусматривали участие детей и юношей в колоннах – «богато и нарядно одетых мальчиков». О том же свидетельствовал хронист Горо Дати, подробно описавший торжества в день Сан-Джованни: «И по порядку – первый, второй и далее последовательно шествуют один гонфалон за другим, и каждый включает всех своих граждан, пара за парой, наиболее старые и достойные идут впереди, и за ними следуют все вплоть до юношей, и мальчиков в вышитых одеждах, покрытых тафтой...»⁶.

В статутах также фиксировалось участие молодых в подготовке праздников, для чего специально создавались церемониальные бригады из 100 человек в белых одеждах, выбираемые за несколько недель до празднования, которые устраивали не только обряды прославления коммуны, но и позорящие жесты презрения к вражескому городу или правителю, с которым велась война. Горо Дати отмечал роль молодых граждан в подготовке к торжествам: «Весь город занят в это время ...юноши и девушки обременены этими тяготами... вплоть до кануна дня святого Джованни, затем дня святого Дзанобио, дня Вознесения, дня Святого Духа, дня Святой Троицы, дня Тела Христова, они не перестают делать все то, что демонстрирует радость и веселье души: танцы, игра на инструментах и песни, пиры и джостры и другие дозволенные развлечения»⁷. Здесь перечислены литургические праздники, но коммунальная консолидация манифестировалась также в торжествах в честь выигранных битв и завоевания городов, например Ареццо в 1384-м, Пизы в 1406-м, прекращения междоусобной борьбы. В праздниках по случаю побед и завоеваний повышалась роль агональных форм праздничного поведения, прежде всего воинских состязаний – турниров и джостр.

В ноябре 1384 г. во Флоренции с великим размахом праздновали взятие Ареццо. После объявления о событии, которое громко зачитал несколько раз канцлер Колюччо Салютати, зазвонили все колокола и началась джостра. Молодые люди из знатных и именитых семейств образовали три многочисленных отряда, которым предстояло сразиться между собой. Во главе одного отряда, «одетого в желтые драпы с переливчатым солнцем на груди», стоял юный Ринальдо ди Мазо дельи Альбицци. Второй отряд «в одеяниях из желтых и красных драпов» возглавил Микеле ди Ванни Каstellани; предводителями третьего отряда, «разодетого в бледно-голубые драпы», стали юноши из семейства Альберти. «Они бились и ломали копья до вечера, когда весь город озарила пышная иллюминация». Религиозные мероприятия и процессии в этом случае могли проводиться после игр⁸. Горо Дати фиксировал участие мальчиков во всех ритуалах праздника: они давали сигнал к началу палио, состояли при повозках, которые везли тяжелые полотнища для награждения победителей⁹. Разумеется, описываемые джостры и турниры, составляя неотъемлемую часть празднества в честь победы, выражавшего

⁵ Ventrone P. La festa di San Giovanni. P. 51.

⁶ Dati G. Istoria di Firenze di Goro Dati dall'anno 1380 all' anno 1405. 120 / A cura di L. Pratesi. Norcia, 1904. P. 91.

⁷ Dati G. Istoria di Firenze. 117. P. 90.

⁸ Diario di anonimo fiorentino (1382–1410) // Alle bocche della piazza / A cura di A. Molho e F. Sznura. Firenze, 1986. P. 54–56, 61–62, 79–80, 135–139. Этот же аноним описывал турниры, продолжающиеся по десять дней подряд.

⁹ Dati G. Istoria di Firenze. 130–131. P. 95.

общекоммунальное гражданское единство, в то же время содержали в себе и элемент семейно-родовой идентичности.

Независимо от агональной или зрелищной формы праздничных действий, они были призваны конструировать гражданскую идентичность. Реальное превосходство коммуны внушалось представителям подрастающего поколения посредством дискриминирующих ритуалов, которым подвергались делегации от подвластных Флоренции городов и местечек, являвшихся на главный патрональный праздник в честь св. Иоанна Крестителя. Их подчиненное положение демонстрировалось особым обрядом жертвоприношений патрону господствующего города от коммун-сателлитов и всех графов контадо¹⁰. Молодые люди в обрядах жертвоприношений приобретали понимание главенствующей роли синьории как органа власти, поскольку приношения от делегаций покоренных земель сначала возлагались к ногам приоров и гонфалоньера справедливости, и лишь потом – на алтарь Иоанна Крестителя. Также преподносились пожертвования от ассоциаций чужеземных рабочих – ткачей из Фландрии и Брабанта¹¹ и осужденных преступников, которых выпускали из тюрем для участия в торжественной церемонии¹², что символизировало милосердие и беспристрастность правосудия коммуны.

Статуты 1454 г. реформировали процедуру празднования дня Сан-Джованни и других литургических дней в связи с повышением роли религиозных братств в городском обществе и настояниями архиепископа Антонина Флорентийского, стремящегося отделить от религиозных ритуалов пышные театрализованные зрелища повозок – передвижных платформ, на которых демонстрировались своего рода живые картины из деревянных, восковых и человеческих фигур. Законы фиксировали еще более широкое участие детей в представлениях повозок: «Сначала двигался Крест Святой Марии со всеми мальчиками-клириками сзади и с шестью певчими; затем компании Якопо-стригальщика и Нофри-башмачника с 30 мальчиками, одетыми в белое, подобно ангелам; затем сцена св. Михаила Архангела... и делалось представление битвы ангелов, когда Люцифер был со своими ангелами зла сброшен с небес; затем компании сера Антонио и Пьеро ди Мариано с 30 мальчиками, одетыми в белое, как ангелы»¹³.

В качестве наиболее убедительного примера участия юных граждан в публичных акциях следует обратиться к событиям 1375–1378 гг., когда Флоренция вела войну с Папским Престолом, занимаемым Григорием XI (1370–1378). Поводом к войне стал категорический запрет, объявленный «с ангельской любовью к ближнему» папским легатом в Болонье на экспорт зерна в земли голодающей Флоренции, пережившей недород в конце 1374 г.¹⁴ В 1376 г. Флоренция была подвергнута интердикту. Горожане питали уверенность, что они находятся под непосредственным покровительством небесных сил, а Господь Бог и Дева Мария на их стороне¹⁵. Многие хронисты и авторы дневников, описывая войну Флоренции с Папским Престолом, фиксировали, если использовать терминологию историков-антропологов, «психодрамы», посредством которых манифестировалась правота Флоренции, подвергнутой интердикту, перед Богом, и утверждалось, что граждане более святы и благочестивы, чем сам римский понтифик. Наиболее рельефная картина охватившего горожан религиозно-патриотического энтузиазма создана еще одним современником событий, хронистом Маркьонне ди

¹⁰ Trexler R. C. *Public Life in Renaissance Florence*. N. Y., L., 1980. P. 215–220. Трекслер, ссылаясь на Чезаре Гвасти, описывал регистр из архива Флоренции, в котором устанавливалось, что помимо палио и воска граф Уберто ди Маремма послал в подношение оленя, покрытого бархатом, а люди из Бастии поднесли четырех ястребов и борзую собаку.

¹¹ *Dati G. Istoria di Firenze*. 128. P. 94.

¹² «И в последнюю очередь делали свое подношение 12 заключенных, которые по милости были выведены из карцера, дабы почтить святого, каковые были людьми нищими и помещенными туда по тяжким провинностям» (Ibid. 128. P. 94).

¹³ *Palmieri Matteo di Marco. Historia florentina (1429–1474) / A cura di G. Scaramella // Rerum Italicarum Scriptores*. Città di Castello, 1906. Vol. XXVI. P. 172–174.

¹⁴ *Luzzatti M. Firenze e la Toscana nel Medioevo. Seicento anni per la costruzione di uno Stato*. Torino, 1986; *Della Berardenga C. U. Gli Acciaiuoli di Firenze nel luce dei loro tempi*. Firenze, 1961. P. 412.

¹⁵ *Diario d' anonimo fiorentino dall' anno 1358 al 1389 // Cronache dei secoli XIII e XIV*. Firenze, 1876. P. 354.

Коппо Стефани: «Казалось, будто покаянию предались все горожане, ибо... делались большие затраты для пожертвований воска и других необходимых вещей, что являлось великим деянием; каждый день устраивались процессии с реликвиями и пением под музыку, в которых участвовал весь народ; и в каждой компании было много бичующихся, и среди них даже десятилетние дети; а когда устроили генеральную процессию, то в ней было более 5000 флагеллантов, а 20 000 человек следовали в этой процессии; а чтобы созерцать жертвоприношение Тела Христова вне [храмов], набожные католики собирались к церквям на проповеди, молитвы и трапезы были в таком количестве, в каком никогда не ходили к мессе, когда она вменялась в обязанность»¹⁶. Последняя деталь особенно важна, поскольку ею хронист маркирует некоторый элемент агрессивности охватившего городское общество религиозного порыва, в котором проявлялся патриотический дух граждан, в обычное время занятых делами и пренебрегающих церковными службами, на что часто сетовали флорентийские проповедники. Эти настроения передавались и другими анонимными авторами, отмечающими во всех ритуалах участие десятилетних детей¹⁷.

Стефани и анонимные авторы фиксировали также спонтанный процесс объединения в религиозные братства и создания монастырей: «Мужчины, юноши и мальчики объединялись в “компанию послушаний, метельщиков и хвалителей... ради почитания Господа нашего”», «создавали маленькие конвенты, где проводили время в трапезах и молитвах, а спали на соломе и на голой земле... множество молодых и богатых людей не стеснялись унизиться, отправляясь просить для бедных персон, которые обратились...»¹⁸. Отказ синьории от соблюдения интердикта в октябре 1377 г. тоже сопровождался массовыми проявлениями религиозных и покаянных настроений, пронизанных коммунальным патриотизмом¹⁹. По городу выступали поэты с публичными декламациями патриотического содержания, которые по памяти привел анонимный автор в своем дневнике: «И флорентийцы с правдивой душой, / От Господа владеющие познанием всякого времени, / Побуждали петь мессы за мир, / А священники, монахи и миряне проходили в процессиях, / Вознося благодарность Господу, который все творит, / За то, что Он дал, с великой набожностью»²⁰.

При непосредственной занятости в публичных ритуалах юные граждане участвовали в перформативных действиях, связанных с концептом свободы. Автор анонимного дневника упоминал: «Сегодня, 21 ноября 1376 г., была провозглашена во Флоренции, во имя Господа, джостра в честь одной девушки, которую звали Мадонна Свобода: согласно обычаю, рыцари будут состязаться за ее любовь. Победители, как мне сказали... получают красивое копье и гирлянду Мадонны Свободы, в честь народа, города Флоренции и партии гвельфов»²¹. Все известия о победах над войсками церкви или новых восстаниях против нее тоже сопровождалось публичными действиями: их «... читали с большим торжеством на трибуне нашим горожанам, / В присутствии наших синьоров и коллегий. Да будет так. / И каждый день зеленая ветвь / Приходила во Флоренцию, вызывая радость; / И всякий пребывал в удовольствии и веселье / По причине своего спасения, а не поражения других; / И Палаццо синьоров приоров было окружено оливами и почестями»²². Патриотические установки особенно актуализировались в ходе внешнеполитических событий последней четверти XIV в. – уже упомянутой войне с Папским Престолом и войне с Миланским герцогством (1390–1402). Коммуна позиционировалась в

¹⁶ *Stefani M. Cronaca fiorentina di Marchionne di Coppo Stefani. Rubr. 757 / A cura di N. Rodolico // Rerum Italicarum Scriptores. Città di Castello, 1903–1913. P. 295–296.*

¹⁷ *Cronicchetta d'incerto // Cronicchette antiche di vari scrittori del buon secolo della lingua toscana. Firenze, 1733. P. 210–211.*

¹⁸ *Stefani M. Cronaca fiorentina. Rubr. 757. P. 295–296; Cronicchetta d'incerto. P. 210–211.*

¹⁹ *Cronicchetta d'incerto. P. 212–213.*

²⁰ *Diario d'anonimo fiorentino dall'anno 1358 al 1389. P. 322.*

²¹ *Ibid. P. 325.*

²² *Diario d'anonimo fiorentino dall'anno 1358 al 1389.*

них как оплот не только тосканской, но и общетальянской свободы, с восторгом описывались празднества «на фоне развевающихся красных стягов с девизом *Libertas* в честь прекрасной Девы Мадонны Свободы, в честь народа, города Флоренции и партии гвельфов»²³.

Круг уже используемых источников позволяет утверждать, что значительную роль в воспитании патриотизма и гражданского духа играли широко распространенные в повседневной жизни города апологетические сочинения в виде хроник и жизнеописаний выдающихся граждан. В качестве примера, как яркий образец прославления Флоренции, можно привести «Историю» Горо Дати, составленную им в 1407–1408 гг. по свежим следам после войны с миланским правителем Джан Галеаццо Висконти²⁴. Дати писал с поучительной целью, объявляя об этом в преамбуле к своей «истории самой долгой и величайшей войны в Италии между тираном Ломбардии, герцогом Милана, и великолепной коммуной Флоренцией...»²⁵. Труд был написан в виде наставления Дати своему сыну, в распространенной форме диалога, при которой основное содержание хроники представлялось как ответы на вопросы того, кто желал познаний. Этот нарратив, по сути, не являлся историей, поскольку отсутствовала погодная запись событий, главная цель автора заключалась не в объективной и достоверной передаче происходящего, а в прославлении Флорентийской коммуны и доказательствах преимуществ ее республиканского порядка перед тираническим режимом, персонифицированным в образе герцога Джан Галеаццо Висконти²⁶. Хронист писал: «Теперь начала коммуна Флоренция протягивать руки к великим делам; теперь известны флорентийцы духом, нетерпимым к тирану, теперь следуют они прекрасным порядкам... и великолепным деяниям»²⁷. Он утверждал, что из патриотических чувств прижимистые и ловко умеющие уходить от фискальных обязанностей флорентийцы соглашались ради победы вносить значительные средства на войну с Джан Галеаццо: «Отвечу тебе: любовь к отечеству побуждала делать это охотно и стремление сохранить их свободу; ибо они оценивали, что если потеряют свою свободу и пойдут под синьора, то утратят все... а также ради добрых установлений, которые имелись у них»²⁸. Дати восхвалял своих сограждан и видел их превосходство над другими народами Италии в предпринимательской энергии: «Имеется у них великое желание видеть и приобретать; ибо тот не есть купец, кто не ищет по миру, не видит людей чужих наций, не возвращается в свое отечество с нажитым, он не имеет никакой славы; и этой любовью воспламеняются души их... и все вместе они создают сообщество... известных и богатых людей, которым не было равных в мире... флорентийцам присущи добродетели, потому что они творят дела милосердия, являют любовь к ближнему и к бедным и праведность в почитании Церквей Божьих более, чем в других нациях...»²⁹.

Начиная со второй половины XIV в. в круг чтения флорентийцев начали входить жизнеописания видных политиков, составленные светскими людьми. Их писали с целью представить образцы совершенной гражданской жизни и служения государству. Уже Филиппо Виллани наряду с портретами интеллектуалов стремился увековечить и образы выдающихся государственных мужей: графа Гвидо Гверры, нотарию Брунетто Латини, Никколо Аччайуоли, ставшего канцлером неаполитанской короны³⁰. Расцвет этого жанра пришелся на XV в.,

²³ Stefani M. Cronaca fiorentina. Rubr. 753. P. 293–294; Diario d' anonimo fiorentino dall' anno 1358 al 1389. P. 325.

²⁴ История Г. Дати была написана более чем на 20 лет раньше «Истории Флорентийского народа» (1429–1433) Леонардо Бруни Аретино.

²⁵ Dati G. Istoria di Firenze. 1. P. 11.

²⁶ Ibid. В прологе к истории Дати указывал поучение молодых как главную цель: «Ради того, чтобы получили большее удовольствие умы слушателей, а также потому, что это – вещь более достойная памяти, чем какая-либо другая из того великого времени, полного войн и полезных примеров для тех, кто придет, потому что в нем удивительно видна назидательная фортуна».

²⁷ Dati G. Istoria di Firenze. 35. P. 37.

²⁸ Ibid. 45. P. 42. Он утверждал, что в целом на войну флорентийцы затратили 3 млн 200 тыс. флоринов (Ibid. 44. P. 42).

²⁹ Ibid. 70. P. 60.

³⁰ Villani F. Vite d' illustri fiorentini // Croniche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani. Firenze, 1858.

давший целую галерею жизнеописаний государственных мужей Флоренции. Здесь стоит отметить несколько биографий Филиппо Сcolari, ставшего придворным, полководцем и близким советником императора Сигизмунда³¹, видного представителя флорентийской олигархии Бартоломео Валори³²; комментарии к жизнеописаниям флорентийцев, вся заслуга которых состояла в безукоризненно честном и добросовестном исполнении коммунальных должностей, вышедшие из-под пера Веспасиано да Бистиччи³³. О том, насколько популярны были такие биографии, может свидетельствовать семейная книга Донато Аччайуоли, составленная в первой половине XVI в., куда он приказал скопировать «Жизнеописание мессера Филиппо Сcolari», составленное Якопо ди Поджо Браччолини на латыни и переведенное Бастиано Фортини, «Жизнеописание Пьеро ди Джинно Каппони», написанное кавалером Винченцо Аччайуоли; «Жизнеописание Никколо ди Пьетро Каппони», гонфалоньера справедливости, автором которого являлся Лоренцо Сеньи³⁴.

В городской повседневности роль семьи в воспитании гражданской идентичности и коммунального патриотизма была исключительно велика. В XIII в. во Флоренции преобладали традиции консортерии – семейного клана, объединенного неразделенной собственностью на землю и другие объекты недвижимости, политическим и юридическим протекторатом над определенной территорией и имущественными интересами³⁵. Во главе этой семьи-рода стояли избранные капитаны фамилии и особые должностные лица, которые управляли кланом по внутрисемейным кодексам частного права, опираясь на собственную автономную стражу (*masnada*) – воинский отряд, состоящий из младших членов консортерии, вассалов и клиентов, находящихся в разных степенях зависимости от этой фамилии³⁶. Консортерии являлись не только «сообществами башен знати», широко распространялись и в пополанской среде³⁷, внутри этих родовых ассоциаций трансформировались семейные ценности, тесно связанные с внутриклановой юрисдикцией, предусматривающей свершение правосудия по принципам родовой вражды³⁸. Глава клана имел права юрисдикции над младшими членами фамилии, в частности, сыновьями и внуками. Дети получали право самостоятельного распоряжения долей своего имущества и сами несли судебную ответственность за свои поступки только после официального акта эмансипации, распространившегося с XIV в. и совершаемого их отцами или опекунами³⁹.

Родовые фавориты и вендетты были обычным явлением в условиях многообразия судебных и внесудебных форм, которое отличало итальянские города-коммуны. Морально-дидактические трактаты XIII в. содержали наставления в том, как следует выражать ненависть и вер-

³¹ La vita di messer Philipppo Scholari di autore anonimo. Volgarizzata di Piero della Stufa // Archivio storico italiano. 1843. Vol. IV. P. 151–163; Jacopo di Poggio Bracciolini. La vita di messer Philipppo Scholari / Volgarizzata di B. Fortini // Archivio storico italiano. 1843. Vol. IV. P. 183–165.

³² Luca della Robbia. Vita di messer di Bartolommeo di Taldo di Valore Rustichelli // Archivio storico italiano. 1843. P. 239–285.

³³ Bisticci V. Commentario della vita di messer Bartolomeo di Fortini // Archivio Storico Italiano. 1843. Vol. IV. P. 375–376; Bisticci V. Commentario della vita di messer Piero de Pazzi // Ibid. P. 364–365; Vita di Donato Acciaiuoli // Bisticci V. Vite degli uomini illustri del secolo XV. Firenze, 1859.

³⁴ Acciaiuoli D. Memorie di sua familia. Riccardiana. Cod. In 4. 2071.

³⁵ Heers J. Consorterie familiari alla fine del Medioevo // La crisi degli ordinamenti comunali e le origini dello Stato del Rinascimento. Bologna, 1979. P. 301.

³⁶ Jones Ph. Comuni e Signorie: la città-stato nell' Italia del tardo medioevo // La crisi degli ordinamenti comunali e le origini dello Stato del Rinascimento. P. 111.

³⁷ Kent D. The Rise of the Medici. Faction in Florence 1426–1434. Oxford, 1978. P. 51–101.

³⁸ Zorzi A. Pluralismo giudiziario e documentazione: il caso di Firenze in età comunale // Pratiques sociales et politiques judiciaires dans les villes de l'Occident à la fin du Moyen Age (Actes du colloque international organisé par l'École française de Rome, l'Université d'Avignon et des Pays-de-Vaucluse, l'Université degli studi di Firenze et l'Institut universitaire de France), Avignon, 29 novembre – 1 décembre 2001 / A cura di J. Chiffolleau, C. Gauvard, A. Zorzi. Roma, 2001.

³⁹ Подробно об этом см.: Kuehn T. Emancipation in Late Medieval Florence. New Brunswick, 1982. P. 3.

шить мечь. В частности, можно привести труд Боно Джамбони⁴⁰, в котором он помещал мечь (*vendetta*) в ряд естественных добродетелей, а не пороков: «На пути вендетты приобретается истинная справедливость между врагами... Если один враг захочет оскорбить другого, тот, кого он пожелал оскорбить, может защищаться по велению природы (естественно) и нанести обиду врагу своему, и ему с ним разрешается поступить путем насилия или ответного оскорбления. И когда обиженный защищается и объявляет вендетту, это и есть то правосудие, которое один враг против другого может использовать; и используя его... он не имеет никакой вины, потому что вендетта призывает на этот путь»⁴¹. Дидактический трактат другого автора XIII в. – Филиппо Чевффи – учил правилам практики мести: «... как должно говорить и склонять друзей сделать вендетту» и «как должно им отвечать»⁴². Думается, что эти сведения о восприятии вендетты в XIII – начале XIV в. окажутся полезными, учитывая неразделимость партийных противоречий и родовой вражды в городских коммунах. Моралист XIV в. Паоло да Чертальядо причислил вендетту к великим удовольствиям человека: «Первое удовольствие – исполнить свою вендетту: горько быть обиженным своим врагом»⁴³.

Но в семейном воспитании с XIV в. обычаем рода уже противостояла тенденция к формированию у представителей молодого поколения общекоммунальных ценностей: самоидентификации со своим городом, заботы об общем благе, социальной и политической толерантности, что очень заметно в таких источниках, как семейные книги⁴⁴. Эти записи всегда были предназначены определенным адресатам – сыновьям, внукам и более отдаленным потомкам⁴⁵. Это подтверждает традиция чтения семейных книг детям и внукам вслух в некоторых семьях, а те, кто вел книгу, оставляли после своих записей пустые карты для того, чтобы последующие аннотации вносили их потомки⁴⁶. На рубеже XIII–XIV вв. к хозяйственным регистрациям стали добавляться данные об истории рода и семьи с перечислением предков, о которых автор мог собрать сведения. Это положило начало формированию так называемого социально-политического совокупного тела семьи из записей, фиксирующих динамику социально-экономического положения, партийный статус и степень участия членов фамилии в управлении государством. Наряду с фиксацией реальных сведений семейно-родовая память реализовалась с

⁴⁰ Segre C. Bono Giamboni e la cultura fiorentina del Duecento // Giamboni B. Il libro de' vizî e delle virtù e il trattato di virtù e di vizî / Ed. C. Segre. Torino, 1968. P. XIII–XIV. Флорентинец Боно Джамбони более всего известен своими переводами многих произведений с латыни и французского на народный язык. Он, видимо, имел юридическое образование, исполнял должности судьи при Подеста и другие с 1261 по 1292 г. девять раз.

⁴¹ Giamboni B. Il trattato di virtù e di vizî. P. 135.

⁴² «Синьоры, того, что сделано, нельзя вернуть назад, но следует подумать о том, как умалить оскорбление достойной вендеттой, находя утешение в надежде на ваш совет и вашу помощь... От этого дела, как я думаю, придет удовлетворение и для вас, поскольку оно сделает честь всем моим друзьям и родственникам» (*Ceffi F. Dicerie da imparare a dire a huomini giovani et rozzi* / A cura di L. Biondi. Torino, 1825. P. 73–74).

⁴³ Paolo da Certaldo. Il libro di buoni costume (Documento di vita trecentesca fiorentina) / A cura di A. Schiaffini. Firenze, 1945.

⁴⁴ Термин введен в оборот современной итальянской исследовательницей Леонидой Пандимильо и признан большинством специалистов. См.: Pandimiglio L. Quindici anni con i libri di famiglia / Cicchetti A., Mordenti R. I libri di famiglia in Italia. Geografia e storia. Roma, 2001. Vol. II. P. 115–129. См. также: Cazalé Bérard C., Klapisch-Zuber C. Mémoire de soi et des autres dans les livres de famille italiens // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 2004. № 4.

⁴⁵ Традиция ведения семейных книг началась со второй половины XIII в., но они мало чем отличались от хозяйственных книг и тетрадей. См.: Nuovi testi fiorentini del Dugento. Introduzione, trattazione, linguista e glossario / A cura di A. Castellani. Firenze, 1952. Т. I. Большинство исследователей полагают, что раньше всего этот жанр сложился в Тоскане, а в ней приоритет отдается семейным записям флорентинцев: Cicchetti A., Mordenti R. La scrittura dei libri di famiglia // Letteratura italiana / A cura di A. Asor Rosa. Vol. III. Le forme del testo. Т. II. La prosa. Torino, 1984. P. 1117–1159, но в настоящее время доказано, что этот жанр не был чисто тосканским явлением. См.: Bartoli Langeli A. La scrittura del italiano. Bologna, 2000; Cazalé Bérard C., Klapisch-Zuber C. Mémoire de soi et des autres dans les livres de famille italiens. P. 815.

⁴⁶ Cazalé Bérard C., Klapisch-Zuber C. Mémoire de soi et des autres dans les livres de famille italiens. P. 819. В пример можно привести наиболее раннюю семейную книгу фамилии Антеллези, в которой записи умершего в 1314 г. Гвидо дель Антелла продолжал его сын. После 10 чистых листов и 47 лет перерыва начались воспоминания Филиппо дель Антелла (1375–1399), за которыми последовали записи его сына Америкго (1400–1405), то есть трудились представители четырех поколений (Ibid. P. 821). См.: Castellani A. Ricordanze di Guido Filippi dell' Antella con aggiunte di un suo figliolo fino al 1328 // Nuovi testi fiorentini del Dugento. Firenze, 1952. Т. II. P. 804–813.

помощью конструирования истории дома⁴⁷, часто используя семейные мифы и предания, особенно в той части, которая касалась славного прошлого рода⁴⁸.

В информативном ядре, составляющем основное содержание этих источников, наряду с генеалогией, сведениями, относящимися к совокупному физическому телу семьи (беременности, рождения, браки, болезни и смерти), а также к экономическому состоянию фамилии, все большее значение приобретало социально-политическое поле, в рамках которого значительное место отводилось воспитанию коммунального патриотизма и гражданственности⁴⁹. Вплоть до второй трети XV в. в семейных книгах преобладали наставления в том, как стать уважаемым и достойным гражданином коммуны, что определялось, по вполне конкретному признаку – степени участия в коммунальном управлении. При изучении «семейных книг полного титра»⁵⁰ складывается впечатление, что проявления личностного начала и саморепрезентации больше связаны с политическими делами и пребыванием на коммунальных постах, нежели с реализацией в профессионально-экономической сфере. Общественная деятельность давала возможность самовыражения и в публичных жестах, и в речах, требовала в ряде случаев отстаивать определенную политическую позицию и открыто демонстрировать гражданскую доблесть. Это понимали теологи и проповедники, тесно связанные с городской средой. Доминиканец Джованни Доминичи, составляя в начале XV в. для вдовы Бартоломеи дельи Альберти свою инструкцию по управлению семьей и воспитанию детей, уделял особое внимание их службе на гражданском поприще: «Видя в детях склонности к государственной деятельности, следи, чтобы они усердно изучали грамматику, историю, право, дабы они не выросли невежественными и обладали бы хорошей памятью... не давай им спать много; следи, чтобы они постоянно упражнялись в добродетели (*virtu*), поручай обязательно выполнять какие-либо обязанности, поскорее выводя их из сонного детства»⁵¹.

Что могли узнать представители молодого поколения из семейных книг? В них приводились перечни всех коммунальных должностей, особенно старших постов в синьории, занимаемых предками и современниками автора. Такие сведения, обозначающие высокий статус фамилии в коммунальном обществе, как правило, сопровождались комментариями, выражающими гордость, удовлетворение и позитивные эмоции. Судья Донато Веллутти указывал потомкам на законные преимущества, которые приносила государственная служба, помимо платы за исполнение должностей и дипломатических миссий: в 1346 г. он «получил большое удовольствие» участвуя в переговорах с Пизой, потому что имелось прекрасное содержание от коммуны. Послам оказали почтение и гостеприимство гвельфские фамилии Пизы, «в доме которых мы проживали на всем готовом, имея все, что бы ни пожелали»⁵². Несмотря на все сложности и опасности, какие дипломатическая служба доставляла Бонаккорсо Питти, она наполняла его гордостью и тщеславием, позволяя на равных разговаривать с германским императором и коронованными особами французского королевского двора, обманывать их в интригах, демонстрировать им собственное превосходство, быть причастным к самым важным событиям европейского масштаба⁵³. Горо Дати отметил в своей «Секретной книге» избрание его

⁴⁷ См.: *Mordenti R. Les livres de famille en Italie // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 2004. № 4. P. 795–796.* Этот автор отмечал зачастую намеренные искажения записей – «вторжение в прошлое» и «неправдивость» авторских комментариев.

⁴⁸ *Strozzi L. Le vite degli uomini illustri della casa Strozzi. Con un ragionamento inedito di F. Zeffi. Firenze, 1892. P. 9–12.* Лоренцо Строцци, составивший в 40-е гг. XVI в. биографии выдающихся представителей рода, утверждал, что истоки семьи уходят во времена этрусков, а ее прародители выходили из Аркадии.

⁴⁹ *Mordenti R. Les livres de famille en Italie. P. 799–800.*

⁵⁰ Термин итальянской исследовательницы семейных книг Э. Ираче; см.: *Irace E. Dai ricordi ai memoriali: I libri di famiglia in Umbria tra medioevo ed età moderna // I libri di famiglia in Italia. Geografia e storia. Roma, 2001. Vol. II. P. 150.* К таковым относят «Домашнюю хронику» Донато Веллутти, «Воспоминания» Джованни Морелли, «Хронику» Бонаккорсо Питти.

⁵¹ *Dominici G. Regola del governo di cura familiari / A cura di D. Salvi. Firenze, 1860. P. 179.*

⁵² *Donato Velluti. La cronica domestica scritta tra il 1376 e il 1370 / A cura di I. Del Lungo e C. Volpi. Firenze, 1914. P. 182–183.*

⁵³ *Pummi B. Хроника / Пер. с итал. З. В. Гуковской. Л., 1972. С. 51–56, 64–70, 74–75, 84–90.*

гонфалоньером компании как большую честь для себя; с особой гордостью он фиксировал получение поста гонфалоньера справедливости в 1428 г. По поводу избрания его на должность приора он заявлял: «Теперь я мог гарантировать других, и мне кажется, что я заслужил большую благодарность и был удовлетворен каждым соглашением и договором»⁵⁴.

Признавая как свою слабость «ненасытный аппетит к исполнению должностей», Дати предостерегал сыновей от чрезмерного стремления к коммунальным постам в целях личной выгоды, коррупции, сведения счетов с недругами и прочих злоупотреблений. Стараясь избежать «великих соблазнов», он заключил с Богом своеобразный «контракт на всю дальнейшую жизнь»: «Если Господь предоставит мне должность в коммуне... то я не стану избегать никакого трудного дела, буду исполнять должность так хорошо, как смогу, не впадая в пороки гордыни и самонадеянности, и никому не буду служить по просьбе». Но, видимо, искушение было таково, что купец назначил сам себе очень высокие суммы штрафов: «Если я пойду против этого, то каждый раз я должен осудить самого себя на два золотых флорина и подать их в этом месяце в качестве милостыни»⁵⁵. О силе желания победы над соблазнами от пребывания на постах красноречиво свидетельствует сумма штрафа: установленная Дати милостыня за любые нарушения религиозных предписаний не превышала 20 сольди.

В стереотипных дидактических комментариях деловые люди наставляли потомков честно и ответственно исполнять общественный долг, избегая грехов коррупции, алчности, ярости, гнева и лжи. Паоло да Чертальядо тоже предупреждал своих сыновей, которые окажутся на коммунальной службе, против греха высокомерия и несправедливости: «Если доведется тебе участвовать в гражданских делах... то не позволяй враждебности овладевать тобой, если судишь того, кто нанес тебе обиду. Лучше отомстить ему другим способом, но не в суде... ведь разнесется молва, что вор осужден не за совершенную им кражу, а из-за твоей мести». В пример он приводил назидательную историю о царе Камбизе, приказавшем содрать заживо кожу с несправедного судьи и прикрепить ее к спине его сына, который должен был занять место отца⁵⁶. Он призывал также к традиционной христианской добродетели судьи и правителя – милосердию: «Где можно добиться результата словами, не прибегай к пыткам, а если в них нужда, то применяй их с промежутками и без жестокости; ... будь очень осторожен, чтобы о тебе не говорили, что ты любишь насилие»⁵⁷. Аналогичные советы давал и Джованни Морелли, предупреждая о том, что любое злоупотребление, допускаемое при исполнении должности, «много раз обернется против тебя же»⁵⁸.

Детей наставляли, что служба коммуне предоставляла шансы для получения кредитов, вспомоществований и компенсаций из казны⁵⁹, возможности оказывать покровительство, способствуя удовлетворению прошений или петиций родственников и лиц, от связей с которыми зависело повышение престижа в обществе. Она открывала путь к достижению социального реванша и повышению статуса; давала доступ к прибыльным статьям государственных доходов – откупу налогов и пошлин, выгодным контрактам на поставки войскам и продажу зерна коммуне. Активные функционеры получали пожизненное звание мудрого, то есть постоянного эксперта-советника синьории, получающего жалованье не только из казны, но и от глав торгово-банковских компаний, тоже прибегавших к их компетенции. Донато писал с гордостью:

⁵⁴ *Dati G. Il libro segreto / A cura di C. Gargioli. Bologna, 1869. P. 71–72, 111–113. О том же см.: Luca da Panzano di Firidolfi. Ricordanze / Carnesecchi C. Un fiorentino del secolo XVe le sue ricordanze domestiche. Frammenti della cronaca di messer Luca di Totto da Panzano dei Firidolfi // Archivio storico italiano. Firenze, 1889. T. IV. P. 154–155.*

⁵⁵ *Dati G. Il libro segreto. P. 72–73. Основная заповедь этого купца: «Не выказывайте ненасытного аппетита».*

⁵⁶ *Da Certaldo P. Il libro di buoni costumi. 323, 332. P. 189, 201–209.*

⁵⁷ *Ibid. P. 202–203.*

⁵⁸ *Morelli G. Ricordi. P. 353.*

⁵⁹ *Velluti D. La cronica domestica. P. 14.*

«Правда, мне были предоставлены почести от коммуны очень выгодные, так как стал я по этой причине и благодаря моей ловкости «Мудрым», состоя почти непрерывно в синдиках»⁶⁰.

В XIV в. из-за усиливающихся тенденций разделения общества на фракции особую актуальность приобрели заповеди коммунального единства, вступающие в противоречие с традициями консортерии и обычаями семейного права. Выше речь шла о том, что в XIII в. вендетта считалась скорее добродетелью, нежели пороком. Но ощущение того, что файда разорительна и несовместима с гражданским миром, идет вразрез с сентенцией об удовольствии, получаемом от мести, заметно уже в наставлениях Паоло да Чертальядо, предостерегавшего потомков: «Никогда не вступай в вендетты, ибо они опустошают душу, тело и имущество; если тебя оскорбят, то постарайся победить гордость и обратиться к разуму»⁶¹. Кроме того, он видел трагические последствия невозможности выйти из бесконечно возобновляющихся циклов файды: «Вендеттой ты достигнешь того, что впадешь в грех перед Господом, мудрые люди будут порицать тебя, ты вызовешь еще большую ненависть от врага своего, потому что почти невозможно осуществить вендетту полностью, но лишь в большей или меньшей степени: если отомстишь больше положенного, обидишь врага своего и усугубишь его вражду, а люди скажут о том, что плохо поступать столь жестоко; если отплатишь меньше нанесенной тебе обиды, люди скажут: “Было бы лучше, если бы он даже и не пробовал, чем так опозориться”. Так что ты всегда старайся прощать, если хочешь выходить победителем»⁶². В этих случаях Паоло да Чертальядо исходил не только из позиций здравомыслящего горожанина, но следовал убеждениям популярных во Флоренции проповедников, подобным сентенциям Джованни Доминичи: «Научи детей... не наносить обид другим, а нечаянно причинив их, немедленно просить прощения. Если же их обидают... пусть не стремятся мстить другим. Более всего пусть остерегаются вендетт... чтобы не стать рабами оружия, страха, времени и места»⁶³. Донато Веллутти повествовал о трех случаях вендетты в его семье. Самой длительной – с 1267 по 1295 г. – была кровная вражда со знатной семьей грандов Маннелли, которая завершилась серией убийств и последующим примирением в 1295 г. по настоянию коммунальных структур. От двух последующих вендетт та ветвь семьи, к которой принадлежал Донато Веллутти, отказалась⁶⁴. Донато одобрял своего отца за отказ от вендетты с семьей Бериньялли: «Хватит нам Господнего отмщения и Божьей кары, нельзя допускать вендетту, из-за которой прежде добрая и большая семья может оказаться лишенной имущества и персон»⁶⁵. Джино ди Нери Каппони в своих предсмертных записках учил сыновей: «Никогда не затевайте никакой вендетты или большой вражды ни с гражданином, ни с соседним синьором, если это не необходимо для его обуздания»⁶⁶. Учитывая, что все социальные и межпартийные противоречия во Флоренции тесно переплетались с враждой кланов, воспитание миролюбия и терпимости, связанных с отказом от вендетт и изживания файд, способствовало сплоченности городского населения.

Воспитание коммунальной идентичности не исчерпывалось только участием в управлении. Большое значение имел такой атрибут, как внушение потомкам их принадлежности к старинной городской фамилии. С этой целью начиная с XIV в. стремились отнести все далее вглубь времен дату, знаменующую начало истории рода внутри городских стен, поскольку в иерархии социального престижа «новые граждане» неизменно стояли ниже представителей старых городских родов. Новые фамилии со временем старались сконструировать собственные

⁶⁰ *Velluti D.* La cronica domestica. P. 190. Синдик – пожизненный советник-эксперт коммуны.

⁶¹ *Da Certaldo P.* Il libro di buoni costumi. 119. P. 102–103.

⁶² Ibid.

⁶³ *Dominici. G.* Regola. P. 174.

⁶⁴ *Velluti D.* La cronica domestica. P. 63–69, 77–79, 128–129.

⁶⁵ Ibid. P. 65, 70.

⁶⁶ *Capponi G.* Ricordi // Miscellanea di studi offerta a Antonio Balduino e Bianca Bianchi. Presso di seminario di filologia moderna dell' università. Padova, 1962. P. 35.

родословные, следуя стереотипной схеме мифологизации истоков рода и сроков его переселения в город. Процесс творения гражданской и коммунальной идентичности характеризовался также тенденцией к укоренению индивида, его семьи и рода в определенной части города, которая присваивалась и объявлялась «нашей» посредством строительства или покупки домов, сооружения церквей и капелл с семейными усыпальницами и гербами, фамильными наименованиями улиц, дорог, ворот, перекрестков.

Но вплоть до середины XV в., когда появились настроения политического абсентеизма, ухода от сферы государственной службы в область гармоничных семейных отношений или интеллектуальных занятий, главным показателем общественного статуса, как явствует из тех же семейных книг, являлась публичная жизнь, сводимая к участию в делах коммуны, к исполнению обязанностей на государственных постах. Постулируемый богатым купцом и банкиром Джованни Ручеллаи принцип отказа от коммунальной деятельности, имел весьма существенную оговорку: «Не советую вам, Пандольфо и Бернардо, искать и желать государственных должностей. Никакое другое дело не ценится ниже и не дает меньшей чести, чем служба коммуне. Я не говорю, что буду недоволен, если ваши имена попадут в сумки и вы будете отмечены, как другие достойные горожане. Но это нужно лишь для того, чтобы правительство не относилось к вам с презрением и чтобы вас ценили и уважали сограждане. Любой другой путь, любой другой вид деятельности – лучше, чем служба государству»⁶⁷. Даже при полном отрицании участия в управлении Ручеллаи настаивает на необходимости признания уважения в обществе, главным доказательством которого остается в его глазах наличие имени в избирательных списках.

Оценки ситуаций, передаваемых семейными книгами, в отличие от биографий и апологетических хроник, были далеки от идеализации: граждане рассказывали о реальных трудностях, с которыми им приходилось сталкиваться на коммунальной службе, сетовали на скудное жалованье или вознаграждение за исполнение дипломатических поручений, выражали недовольство своим социальным статусом, обвиняли коммуну в неблагодарности и недостаточном признании их заслуг. Среди всех противоречий обыденной жизни, которые в них отражались, наиболее распространенным было несоответствие между образом честного «должностного лица» и ролью «доброго купца». Из этого противоречия рождались методичные наставления о том, как урвать от государства ту часть дохода, на которую оно претендует, – целая наука притворства и лжи, как следует укрывать доходы от коммунального фиска, какие петиции надо подавать в синьорию, чтобы снизили квоты обложения, простили или скостили задолженности по уплате налогов, уменьшили сумму очередного государственного займа⁶⁸. Но до середины XV в. проповедь коммунальной идентичности, высшей справедливости республиканского строя и превосходства Флоренции над другими городами-государствами преобладала на страницах семейных книг.

«Заповеди» коммунальной идентичности, образы единства общества, позитивные установки, нацеливающие на публичную деятельность во имя общего блага, утверждения превосходства республиканского строя над любыми формами единоличного правления, наставления

⁶⁷ *Rucellai G. Il Zibaldone // Giovanni Rucellai ed il suo Zibaldone / A cura di A. Perosa. L., 1960. P. 343.* Подобные настроения высказывали современники автора, в частности Леон Баттиста Альберти. Вышеприведенный фрагмент касается той части труда Ручеллаи, которая была написана под сильным влиянием трактата Маттео Пальмиери «О гражданской жизни». См.: *Краснова И. А. Ручеллаи // Культура Возрождения. Энциклопедия. М., 2011. Т. 2. Кн. 2. С. 98–99.*

⁶⁸ *Mazzei ser Lapo. Lettera XXVII (15.09.1392); Lettera XXXVI (2.03.1393) // Lettere di un notaro a un mercante dal sec. XIV / Per cura di C. Guasti. Firenze, 1880. Vol. 1.* Набожный нотариус госпиталя Санта-Кроче сер Лапо Маццей, почитаемый современниками за честность и бескорыстие, проповедовал в письмах к своему богатейшему клиенту Франческо Датини заветы коммунального патриотизма, побуждая раскошелиться на крупную сумму ради победы над миланским правителем Джан Галеаццо Висконти. В то же время он пускался во все тяжкие, чтобы избавить от обложения флорентийское палаццо Датини: доказывал в синьории, что палаццо служит не частной наживе, а общественным нуждам коммуны, потому что в нем часто останавливались высокопоставленные лица и венценосные особы.

в практиках толерантности и миролюбия являлись своего рода ответом на вызовы городской повседневности, чреватой во Флоренции нескончаемой борьбой между социальными слоями, партийными фракциями, клановыми группировками. Город, на улицах которого около 200 лет постоянно воздвигались баррикады, гремел клич «К оружию!», а политические заговоры и попытки переворотов чередовались с репрессиями и изгнаниями, вопреки всему действовал как единый организм, о чем свидетельствовали бесспорные достижения в области экономики и культуры, расширение государственной автономии и успехи территориальной экспансии. Это вряд ли дает основания видеть в общественных ритуалах, апологиях и нормах семейного воспитания только риторические формулы и речевые стереотипы.

А. В. Топорова

Женское воспитание в проповедях Бернардино да Сиена

В проповедях Бернардино да Сиена (1380–1444), проповедника, по праву считающегося реформатором средневековой проповеди, проблема женского воспитания занимает совершенно особое место. Ученик и последователь Бернардино Джакомо делла Марка видит новизну метода своего учителя в переходе от ученой проповеди университетского типа, подчиняющейся строгим правилам и представляющей собой скорее диспут, чем собственно проповедь, к конкретному воспитанию своей аудитории, к разговору о насущных проблемах слушателей; он отмечает четкую ориентацию на широкую аудиторию и умение привлечь ее как самой темой, так и способом ее раскрытия⁶⁹. Забота об аудитории и близость к ней приводят Бернардино к радикальному изменению понимания самой проповеди. Традиционно проповедь представляла собой толкование отрывка из Священного Писания, ее экзегетический характер был определяющим. Бернардино отступает от этого правила. Во вступлении к своему латинскому трактату «О вечном евангелии» (*De evangelio aeterno*) он предлагает обоснование своего нового метода свободной проповеди, не зависимой от евангельского чтения⁷⁰. Бернардино готов отказаться от толкования Священного Писания и тем самым от богословского подхода к проповеди в пользу доверительного разговора о конкретных проблемах своих слушателей. Францисканское предписание (зафиксированное в Правиле ордена – *Regula bullata*) говорить о пороках и добродетелях, о наказании и славе, Бернардино умело приспособливает к анализу повседневной жизни внимающей ему аудитории.

Средневековые учителя проповеднического искусства неоднократно подчеркивали, что к каждой категории слушателей следует обращаться по-своему, а проповедь необходимо приспособлять к обстоятельствам; учет аудитории стал одним из обязательных требований к проповеднику. Было выработано новое понятие сословно ориентированной проповеди – *sermo ad status*, составлялись специальные сборники «учебных» проповедей, предназначенных для определенных категорий слушателей⁷¹. Однако в действительности проповедь с точки зрения адресата была или безличной, или ориентированной на мужчин, хотя женщины и составляли большую часть аудитории проповедников. Бернардино да Сиена представляет в этом отношении исключение: он постоянно выделяет женщин в качестве адресата своей проповеди. Его обращения к женщинам в ходе проповеди постоянны, разнообразны и конкретны. Проповедник говорит с ними о том, что касается только их – как женщин, жен, матерей.

Можно выделить несколько аспектов женской темы у Бернардино. Во-первых, проповедник обращается к женщинам в связи с их поведением во время проповеди. Эти обращения носят обыденный, «сиюминутный» характер, в отличие, скажем, от патетических обращений к «возлюбленным согражданам», *concittadini dilette*. Бернардино призывает своих слушательниц не болтать во время проповеди или не спать, не толкаться, не пролезать вперед, делает замечания по поводу их внешнего вида. Вот лишь некоторые примеры:

O donne, oh che vergogna è egli la vostra, che la mattina, mentre che io dico la messa, voi fate un romore tale, che bene mi pare udire uno monte d'ossa, tanto gridate! L'una dice: Giovanna! L'altra chiama: Caterina! L'altra: Francesca! Oh, la bella divozione che voi avete a udire la messa! Quanto ch'a me, vi pare una

⁶⁹ Цит. по: Zafarana Z. Bernardino nella storia della predicatione di Bernardino da Siena // Bernardino predicatore nella società del suo tempo. [Convegni del Centro di studi sulla spiritualità medievale]. Todi, 1976. P. 44–45.

⁷⁰ Ibid. P. 55–56.

⁷¹ Топорова А. В. Судьба *sermo ad status* в истории средневековой итальянской словесности // Вопросы филологии. 2011. № 1. С. 80–86.

confusione, senza niuna divozione e riverenza. Non considerate voi che quine si celebra il glorioso corpo di Cristo figliuol di Dio, per la salute vostra? Che dovreste stare per modo, che niuna non facesse un zitto. Viene madonna Pigara, e vuol sedere innanzi a madonna Sollecita. Non fate più così. Chi prima giógne, prima macini. Come voi giógnete, ponetevi a sedere, e non ce ne lassate entrare niuna innanzi a voi⁷².

О женщины, какой стыд, что по утрам, когда я служу мессу, вы производите такой шум, что мне кажется, что это целая гора костей, так вы кричите! Одна говорит: «Джованна!» Другая зовет: «Катерина!» Третья: «Франческа!» Да, замечательно благочестие, с которым вы слушаете мессу! На мой взгляд, это просто суматоха без какого бы то ни было благочестия и уважения. Разве вы не понимаете, что здесь ради вашего спасения совершается приношение славного тела Сына Божия Христа? Ведь ни одна из вас не должна произносить ни звука. Приходит мадонна Пигара и хочет сесть перед мадонной Соллечитой. Не поступайте так. Кто первый приходит, тому преимущество. Садитесь сразу же, как приходите, и никого не пропускайте вперед.

Особое место занимает в проповедях Бернардино тема места женщины в семье, в доме; и тут женщина если и не равна мужчине в современном представлении, то, во всяком случае, занимает самостоятельную и равноценную мужской позицию: она хозяйка дома, устроительница семейной жизни, хранительница очага:

Che è una casa che non vi sia donna? E' casa di rovina e di porcineria. La donna è cagione di farti i figlioli, e allevargli, e governargli, e aiutarli nelle infermità. Tutta la fatica de' figliuoli è della donna. E se infermi tu, ella ti governa con fede, e amore, e carità, e inverso el corpo e in verso l'anima ... Ancora ti dico più ch'ella è guardia e massaia della tua roba. Tu stai fuori e guadagni ed ella in casa e conserva la roba. E' così buono alcuna volta el conservare el guadagnato, che non è el guadagnare. Se tu, marito, guadagni e non ài chi conservi, la casa va male. Non avendo donna, la roba tua va male⁷³.

Что это за дом без женщины? Одна разруха и свинство. Женщина рождает тебе детей, растит, воспитывает их, выхаживает в болезнях. Весь труд, связанный с детьми, лежит на женщине. А если ты болен, она служит тебе с верностью, любовью, милосердием и в отношении тела, и в отношении души ... Еще скажу тебе, что она хранительница и хозяйка твоего добра. Ты находишься вне дома и зарабатываешь, а она в доме и хранит добро. Порой сохранять заработанное столь же хорошо, сколь зарабатывать его. Если ты, муж, зарабатываешь, а у тебя нет никого, кто бы это сохранял, то дом устроен плохо.

В другой проповеди Бернардино еще более подробно расписывает домашние обязанности женщины:

Ella ha cura al granaio; ella il tiene netto, che non vi possa andare niuna bruttura. Ella conserva i coppi dell'olio, ponendo mente: – questo è da lograre, e questo è da serbare. – Ella il governa, sì che non vi possa cadere nulla su, e che non v'entri né cane, né altra bestia. Ella pon mente in ogni modo che ella sa, o può,

⁷² Bernardino da Siena S. Le prediche volgari / A cura di P. Bargellini. Milano-Roma, 1936. P. 141.

⁷³ Bernardino da Siena S. Le prediche volgari (Firenze 1424) / A cura di C. Cannarozzi. Pistoia, 1934. Vol. I. P. 419.

che eglino non si versino. Ella governa la carne insalata, sì al salarla, e sì poi al conservarla. Ella la spazza e procura: – questa è da vendere, questa è da serbare. – Ella fa filare, e fa poi fare la tela del pannolino. Ella vende la sembola, e de' denari riscuote la tela. Ella pone mente alle botti del vino; se ella vi trova rotte le cerchia, e se elle versano in niuno luogo. Ella procura a tutta la casa⁷⁴.

Она заботится об амбаре; содержит его в чистоте, чтобы ничто плохое туда не попало. Она хранит кувшины с маслом, рассуждая так: это надо использовать, а это сохранить. Она следит за тем, чтобы ничто не попало туда и чтобы до них не добралась ни собака, ни какое другое животное. Насколько она умеет и может, она всячески заботится о том, чтобы масло не пролилось. Она заботится о засоленном мясе, и как солить его, и как хранить. Она его моет и принимает решение: это надо продать, а это сохранить. Она следит, чтобы пряли, а из полотна делали холст. Она продает отруби, а на (вырученные) деньги покупает ткань. Она заботится о бочках с вином; не полопались ли обручи и не проливается ли вино. Обо всем в доме заботится она.

Еще один аспект, анализируемый Бернардино, – это брак. Бернардино рассматривает брак прежде всего в его социальной функции: семья должна быть большой, жена обязана помогать мужу в разветвленном хозяйстве. Хорошая жена должна быть доброй, мудрой, кроткой, исполненной любви, надежды, веры, смирения, чувства справедливости, терпения, как перечисляет Бернардино в своей знаменитой проповеди XIX из сиенского цикла 1427 г. «О том, как муж должен любить жену, а жена мужа»; к тому же она должна быть способной к рождению детей; к такой жене муж испытывает самую нежную любовь и дружбу. Бернардино предостерегает девушек, чтобы они не выходили замуж за тех мужчин, которые больше ценят их имущество, чем их самих. Говоря о радостях брака, Бернардино упоминает не только о «естественном удовольствии», но и об утешении в скорбях и о духовном услаждении. Перед женщиной Бернардино ставит еще одну важную задачу: жена должна удерживать мужа от греха содомии, весьма распространенного в средневековом обществе⁷⁵.

Особое внимание Бернардино уделяет женской моде – теме, к которой нередко обращались средневековые – и не только – проповедники. Против следования моде и украшения себя с помощью искусственных средств писали и говорили многие: Винсент из Бове, Этьен де Бурбон, Джованни Доминичи, Джованни Конверсини да Равенна, Леон Баттиста Альберти. Но так детально и пылко, как Бернардино, этого не делал никто. Похоже, сиенский проповедник неплохо разбирался в современной ему моде. Он подробно перечисляет порочные, с его точки зрения, наряды и прически: платья со шлейфами, длинные рукава, особого рода замысловатые головные уборы, высокие прически, напоминающие башни. Он упрекает женщин в том, что у них сундуки ломятся от нарядов, в то время как бедняки страдают от голода и холода; что забота о сохранении дорогих платьев (тут Бернардино входит в детали: как их стирать, сушить, хранить) отвлекает от памяти о Боге и от своих обязанностей. Он анализирует особенности женской психологии в связи с приобретением нарядов:

... Я вижу, что вы, женщины, так погрязли в суетности, что ваши шлейфы и кокетство представляются мне величайшим недоразумением, которое я когда-либо наблюдал, а также и прочая ваша суетность. Здесь я вижу то же самое, что наблюдал во многих других местах. Но среди прочих виденных мною примеров суетности я нигде не нашел большего, чем здесь, в Сиене.

⁷⁴ Bernardino da Siena S. Le prediche volgari / A cura di P. Bargellini. P. 418.

⁷⁵ Herlihy D., Klapisch-Zuber C. Les Toscans et leurs familles. Une étude du catasto florentin de 1427. Paris, 1978; Гус Ф. и Джс. Брак и семья в Средние века. М., 2002.

Когда вы облакаетесь в волочащиеся по земле одежды, вы хотите казаться важными женщинами, превосходящими всех остальных. Эти одежды так порочат вас, что я опасаюсь, как бы одним этим вы не навлекли на город большой беды. А она говорит: «Покупка уже сделана, как же теперь быть? Сделанного не исправишь»⁷⁶.

Нередко Бернардино обращается к женщинам как к более чутким и восприимчивым к его словам, призывает их быть его помощницами, распространять сказанное им в семье. Он побуждает их приводить на проповеди своих детей, часто именно дочерей. Он ждет помощи женщин в преодолении политических распрей. К ним обращается он в надежде изменить ситуацию в обществе:

О женщины, откуда произошли величайшие убийства, прелюбодеяния и разврат, поджог домов, изгнание, разрубание друг друга на части, воровство? Корнем всех этих зол являются разделения. О женщины, пусть ваша ненависть возгорится против этих двух слов [гвельфы и гибеллины. – А. Т.], как если бы это были бесы. О горе! О, что произошло за эти два года! Сколько бед произошло из-за партий, сколько женщин убито в собственных домах; сколько ранено! Сколько детей погибло в отмщение за вину отцов! <...> Что вы скажете на это, женщины? Более того, я слышал, что есть женщины, настолько ожесточенные партийными разделениями, что они вкладывали в руки своих маленьких сыновей копья, чтобы те совершили убийство в отмщение за партию. Я слышал об одной жестокой женщине, которая, узнав о бегстве женщины из противоположной партии, поспешила к своим людям и сказала: «Такая-то убегает, ее посадил к себе на коня один человек и теперь увозит ее». – Кто-то настиг ее и сказал тому, кто ее вез: «Ссаживай-ка ее, если не хочешь умереть». И когда она очутилась на земле, одна женщина убила другую⁷⁷.

Подобное внимание к женской тематике, точнее, стремление воздействовать на женскую часть своей аудитории, воспитательный пафос вполне объяснимы: в XV в. в городской купеческой среде меняется взгляд на женщину и ее роль в семье и обществе. Если прежде в городской и дидактической литературе преобладали ходульные отрицательные высказывания о женщинах, то теперь хулильные мотивы, как правило, схематичные и абстрактные, отступают на второй план, а на первое место выдвигается конкретный анализ роли женщины в обществе. Поэтому неудивительно, что взгляды Бернардино перекликаются с идеями, изложенными в «Книге о семье» Леона Баттисты Альберти. Великий гуманист считал, что женщина должна быть добропорядочной и аккуратной хозяйкой дома (все ставить на место, чтобы нужная вещь всегда была под рукой, но не загромождать дом), в ее руках должны находиться все ключи от дома, покупки же делает муж по списку жены, чем достигается экономия и приобретение продуктов хорошего качества. Сходны также представления Бернардино и Альберти о критериях выбора жены: она должна быть доброго нрава, хорошего поведения, заботливой хозяйкой, должна быть способна рожать и растить детей. Все чаще появляются в литературе примеры женской добродетели. В анонимном итальянском трактате XV в. «Защита женщин» утверждается идея равенства мужской и женской природы. Веспасиано да Бистиччи приводит в «Жизнеописании знаменитых людей XV в.» рассказ о Франческе Аччайуоли, сумевшей уберечь свою семью в трудных обстоятельствах. Об обязанности женщины быть хорошей хозяйкой упоминает и Саккетти (новелла 123). Джованни Доминичи, избегавший, правда, подроб-

⁷⁶ Топорова А. В. Проповедь и проповедники в Италии: от Средних веков к Возрождению. М., 2011. С. 325.

⁷⁷ Топорова А. В. Проповедь и проповедники в Италии. С. 299.

ного развития этой темы в проповедях, рассматривает ее в трактате «Наставления в семейных делах» (*Regola del governo di cura familiare*). Показательно, что этот трактат был написан по заказу Бартоломеи дельи Альберти (родственницы гуманиста), которая после смерти мужа захотела самостоятельно воспитывать своих детей вопреки существовавшему обычаю оставлять их на попечение семьи мужа. И Доминичи предлагает ей программу воспитания детей, равно как и ряд советов относительно ее положения и христианской жизни в целом.

Таким образом, выделяя женщин как особую категорию слушателей, обладающую своей спецификой и поэтому требующей определенного подхода, Бернардино да Сиена предлагает конкретный и глубокий анализ женских проблем, не ограничиваясь общими и часто поверхностными суждениями о женщине, продиктованными стереотипами средневекового менталитета. В его творчестве традиционные проповеднические мотивы звучат более конкретно и лично: женщина рассматривается им не только как активная слушательница его проповедей, передающая затем их содержание домашним (в некотором роде его помощница), но и как объект особого внимания с точки зрения христианской жизни. Бернардино останавливается на тех вопросах нравственности, которые возникают именно перед женщиной; он говорит о ее особой роли в семье и обществе, отличной от мужской. Так эпоха диктует свои требования, и даже такие устойчивые литературные жанры, как проповедь, оказываются подвластными ее влиянию.

Т. В. Сони́на

«Открытие детства» и детские образы в портретной живописи Возрождения

Примерно с середины XX в. в европейской науке широкое распространение получило представление о том, что в эпоху Возрождения впервые в истории человечества детство было оценено как особая, специфическая ступень развития. Это так называемое открытие детства автор теории Ф. Арьес⁷⁸ относил к довольно протяженному периоду – с XIV по XVII столетие, иногда отодвигая границу до XIII в.⁷⁹ Как мы полагаем, теория неслучайно возникла и развивалась в послевоенный период: ее основой стало возросшее благосостояние общества и связанное с ним гипертрофированное увлечение либеральными ценностями. Впрочем, несмотря на успех, данная точка зрения не сделалась господствующей: письменные и материальные источники, как правило, убеждают исследователя, что в любом социуме дети не воспринимаются как маленькие взрослые, только продолжительность этого «невзрослого» состояния разная в разные времена и у разных народов, и это связано с мерой готовности общества вкладывать силы и средства в воспитание детей.

Авторы книг, посвященных истории воспитания и образования, часто обращаются к произведениям живописи как к материалу, позволяющему до некоторой степени проникнуть в отношения внутри социума, поскольку живопись как никакой другой вид изобразительного искусства *фиксирует* реалии быта. К тому же объектов материальной культуры, связанных с детьми, сохранилось немного, а трактаты по педагогике, проповеди и т. п. документы часто не столько служат свидетельством реального положения дел, сколько являются выражением запросов общества. Чрезвычайно богатый иллюстративный материал, например, использован в уже упомянутой работе Арьеса, но автор, оценивая культуру Европы как преимущественно единую, рассматривал его в хронологическом порядке, почти не выделяя национальных школ.

Естественным образом обращение к культурным традициям одной страны, одного народа влекло за собой и рассмотрение художественного наследия этого народа. Классическим примером такой работы является книга Л. Стоуна, написанная на английском материале⁸⁰.

Оценка итальянской живописи с точки зрения отражения в ней семейных и общественных ценностей, утверждать которые и призван процесс воспитания, представляет определенные трудности, связанные прежде всего с многочисленностью детских образов в искусстве Возрождения. Поэтому мы ограничиваем задачи нашей статьи и не рассматриваем, например, эволюцию образа Младенца Христа, изображения ангелов и путти, как это делает, например, Арьес, которого интересует, в частности, изменение с течением времени детского типажа в картинах европейских мастеров. Мы не обращаемся также к изображениям детей в разного рода сценах на исторические, мифологические и религиозные темы, где они часто своим присутствием лишь оживляют композицию, сообщая ей характер жанровости. Эти, по словам Арьеса, «герои маленьких историй»⁸¹, стоят, на наш взгляд, в одном ряду с другими образами и явлениями живой природы, на равных интересными мастерам Возрождения. Это подтверждает многократно цитированная в разных трудах по истории искусства выдержка из сочинения Леона Баттисты Альберти «О живописи»: «То, что в истории доставляет нам наслаждение, происходит от обилия и разнообразия изображенного... Я скажу, что та история наиболее богата, в

⁷⁸ Ariès F. L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime. Plon, 1960; Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург, 1999.

⁷⁹ Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь. С. 57.

⁸⁰ Stone L. The Family, Sex and Marriage in England. 1500–1800. L., 1977.

⁸¹ Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь. С. 48.

которой перемешаны, находясь каждый на своем месте, старики, юноши, мальчики, женщины, девочки, куры, собачки, птички, лошади, скот, постройки, местности и всякого рода подобные вещи. И я буду хвалить всякое изобилие, только бы оно имело отношение к истории»⁸².

Впрочем, уже сама многочисленность изображений подобного рода в XV–XVI вв. свидетельствует о бесспорном интересе к ребенку если еще не как к личности, то как к существу, заслуживающему внимания, и появление в XV в. детского портрета – наглядное свидетельство того, «что дети выходят из анонимности»⁸³.

Объектом нашего интереса являются именно эти, «вышедшие из анонимности» конкретные персонажи. Они нередки в искусстве Ренессанса, но практически никогда не предстают в специфически своей, детской среде, например в школе или играющими друг с другом. В характере исполнения детских портретов нет ничего, что отличало бы их от портретов взрослых: профильные портреты начала XV в.⁸⁴ к концу столетия сменяются трехчетвертными с пейзажем (Пинтуриккио. Портрет мальчика. Дрезден, Картинная галерея). Такие портреты давали возможность увидеть глаза, передать выражение лица, и это выражение – именно детского лица – схватывается художниками очень точно. Впрочем, это говорит не о каком-то особенном внимании к детским образам, а лишь указывает на интерес к разнообразным проявлениям человеческой натуры.

Ситуация не меняется и в XVI столетии, когда появляется новый тип портрета – парадный. Так, образ маленькой Бии, внебрачной дочери Козимо Медичи, в портрете работы Бронзино (Флоренция, Уффици) решается полностью в духе изысканного, психологически замкнутого придворного искусства.

Другим примером может послужить Портрет Рануччо Фарнезе Тициана (Вашингтон, Национальная галерея) (см. илл. 1), где изображен 12-летний мальчик, рыцарь Мальтийского ордена, который через два года станет кардиналом. Картины Бронзино и Тициана различаются особенностями художественных школ – флорентийской и венецианской, индивидуальностью живописной манеры, темпераментом исполнения и уровнем дарования живописцев, но не несут в себе ничего, что можно было бы квалифицировать как признаки специфически детского портрета.

С появлением многофигурных семейных портретов дети естественным образом включаются в них, причем все, даже младенцы. Такого рода портреты больше были распространены на севере Италии (Чезаре Вечеллио. Семейный портрет. Венеция, музей Коррер; Лавиния Фонтана. Семейный портрет. Милан, галерея Брера). В них практически никто не играет самостоятельной роли, эти портреты – демонстрация крепких семейных уз и потомства, которое призвано обеспечить существование и процветание рода. Дети всегда выглядят здесь непосредственными, но даже если шалют, то ведут себя достойно.

Вся эта живопись не оставляет ни малейшей возможности для того, чтобы хоть отчасти понять, как жили эти дети, чему их учили, во что они играли и т. п. Но из этих портретов видно, *к чему* их готовили. Они не только члены семьи (безусловно любимые), но прежде всего приемники, продолжатели семейных традиций. Они одеты сообразно их статусу и держатся тоже сообразно статусу. Впрочем, живописцы умеют уловить и показать типично детское в их позах, движениях, взглядах. Современного зрителя это часто настраивает на умильный лад, хотя такая задача вряд ли занимала как художника, так и заказчика. В парадном Портрете Клариче Строцци Тициана (Берлин, Государственные музеи) (см. илл. 2) запечатлена крохотная двухлетняя девочка, но окружающий ее антураж ничем не отличается от тех, какие можно видеть в

⁸² Трактаг «О живописи» Л.Б. Альберти и некоторые проблемы искусства итальянского раннего Возрождения // URL: <http://www.binetti.ru/content/1072>

⁸³ Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь. С. 50.

⁸⁴ Совершенного отказа от профильного портрета не произошло ни в Италии, ни в других художественных школах, но он стал сравнительно редким.

парадных портретах взрослых: стол, украшенный мраморным рельефом с танцующими путти, соскользнувшая с него бархатная скатерть (или занавес), пейзаж за окном. Собака рядом с девочкой не только домашняя любимица, а вполне серьезный атрибут. Собака очень частый спутник женских образов в портретах XVI в., символ верности. Крошечное дитя пестует свою будущую добродетель.

Общество Возрождения не создавало намеренно «детскую культуру», хотя де-факто она, разумеется, существовала, как и во все времена. В сюжетных композициях XV–XVI столетий дети, как правило, заняты тем же, что и взрослые: они принимают участие в разного рода процессиях, вместе с родителями поклоняются Мадонне. Широко распространены были картины вотивного типа, в которых, по обыкновению, присутствовали все отпрыски (по крайней мере, мужского пола), поскольку речь шла о покровительстве небесных сил всему роду.

Композиции этого типа тоже претерпевают изменения на протяжении почти двух столетий: от фигур донаторов, симметрично стоящих или преклоняющих колена по сторонам трона Богоматери, до свободно решенных динамичных сцен, вроде широко известной картины Веронезе «Семейство Куччина перед Мадонной» (Дрезден, Картинная галерея), или «Мадонны семейства Пезаро» Тициана (Венеция, Фрари). Поведение детей в этих сценах совершенно согласовано с поведением взрослых. Оно может быть вполне условным, как, например, в картине неизвестного последователя Леонардо (возможно, Фернандо де Льяноса) «Семейство Лодовико Моро перед Мадонной» (Милан, галерея Брера) (см. илл. 3), а может выражать душевный порыв, созвучный порыву их взрослых спутников, как в картине Веронезе.

Другую разновидность многофигурных композиций можно назвать представительской. Таковы росписи Гирландайо в капелле Сассетти в Санта-Тринита, где дети Лоренцо Великолепного в сопровождении наставников участвуют в торжестве, проходящем на фоне исторического события: утверждения устава Францисканского ордена папой Гонорием III. По лестнице навстречу Лоренцо Великолепному, Антонио Пуччи и Франческо Сассетти поднимается Полициано с маленькими Джулиано Медичи, будущим герцогом Немурским, Пьеро Медичи, который впоследствии будет изгнан из города, и Джованни, будущим папой Львом X. За детьми следуют их воспитатели – гуманисты Маттео Франко и Луиджи Пульчи.

Особое место среди работ такого типа занимают росписи Мантеньи в Камере дельи Спози. Здесь в большом групповом портрете изображено все семейство маркизов Гонзага – от главы рода до младших детей. Это произведение включает в себе настолько богатый и сложный подтекст, что трудно найти что-либо равное ему не только в XV в., но и в живописи последующих столетий. Общий настрой композиции – парадный, но в нем просвечивает теплота семейных отношений. Это настроение возникает благодаря головке девочки с яблоком, прильнувшей к коленям Барбары Бранденбургской. Головка находится почти в центре композиции и буквально «скрепляет» диагонали, ограничивающие фигуры рядом и позади нее.

В другой части росписи Мантеньи представлена сцена встречи маркиза Лодовико с сыном Франческо, первым кардиналом в роду Гонзага. Есть несколько предположений по поводу того, когда и где произошло это событие. Наиболее убедительным кажется свидетельство хроники Андреа Скивенольи, где говорится, что кардинал после лечения на водах в Поретте близ Болоньи направился в Рим, проехав через Мانتую, дабы повидать родителей, и был по дороге встречен отцом в местечке Бонденелло.

На встречу выехал весь мужской состав семьи, в том числе маленькие Франческо и Сиджисмондо, внуки Лодовико: будущий маркиз и будущий прелат. Их судьба предопределена самим рождением. Неслучайно Сиджисмондо держится за руку младшего сына маркиза, юного протонотария Лодовико. Таким образом, здесь определенно выделены те члены семьи, которые предназначены править государством, и те, которые призваны служить церкви. Старшие Гонзага обращены друг к другу и расположены так, что образуют своего рода внешний круг, внутри которого находится второй круг, малый, образованный фигурами младших пред-

ставителей рода. Лаконично и просто Мантенья выражает идею единства рода и идею защиты его будущего.

В середине XV в. появляется и тип станкового портрета, в котором дети показаны вместе с родителями или другими близкими людьми. Такова знаменитая картина Доменико Гирландайо «Дед и внук» (Париж, Лувр) (см. илл. 4). Изображение головки ребенка традиционно профильное, но художник сумел исключительно точно передать выражение его лица и усилил эффект жестом маленькой ручки. Это одно из первых воплощений теплоты человеческих отношений в живописи Ренессанса, не завуалированных представительскими или иными задачами.

Работа Гирландайо интересна еще и тем, что в ней нет четкого указания на социальный статус изображенных. Зритель воспринимает их, как сейчас сказали бы, людьми среднего класса. Впрочем, скорее всего, заказчики были вполне состоятельными. У того же Гирландайо есть похожий по композиционному решению Портрет Франческо Сассетти с сыном Теодоро (Нью-Йорк, Метрополитен-музей). Представитель банка Медичи одет без излишней роскоши, что, в общем, характерно для флорентинцев того времени. В обоих портретах дети показаны в профиль. На наш взгляд, это свидетельствует о подчиненности их положения по отношению к старшим, но в то же время позволяет подчеркнуть эмоциональную связь персонажей.

Противоположный прием, правда вынужденно, использовал Педро Берругете в Портрете Федерико Монтефельтро с сыном Гвидобальдо (Урбино, Национальная галерея Марке). Здесь в профиль изображен отец, погруженный в чтение, и спокойная незыблемость его могучей фигуры – своего рода гарант защищенности малыша-наследника, держащего скипетр. Непосредственного выражения чувств нет, но зритель ощущает объединяющую героев атмосферу, пронизанную теплотой и доверием. По мастерству в передаче внутренних духовных связей этот портрет близок работам Мантеньи.

Та же сдержанность при передаче чувств присутствует и в портретах XVI столетия, даже в тех случаях, когда ребенок изображен с матерью (Бронзино, Портрет Элеоноры Толедской, Флоренция, Уффици; Бордоне, Дама с ребенком, Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж). Это новый тип портрета, на распространенность которого, как мы полагаем, повлиял образ Мадонны с Младенцем Христом. Параллельно существует и другой тип, в котором изображение матери несет в себе черты величия, напоминающие о римских матронах (Пармиджанино, Камилла Гонзага с сыновьями, Мадрид, Прадо).

В лучших работах XVI столетия психологическая характеристика героев настолько совершенна, что сближается с достижениями мастеров следующего века (Веронезе, Портрет графа да Порто с сыном, Флоренция, собрание Контини-Бонакossi [см. илл. 5]).

Итак, внутрисемейные связи, надежды, возлагаемые на потомков, демонстрация значимости семейного клана в социуме и уверенности в ее незыблемости – вот то, чему служит основная масса произведений, в которых присутствуют детские образы. И именно они способствуют интенсивному освоению передачи тонких психологических отношений, что особенно хорошо видно в семейных портретах.

Сфера сугубо детских интересов и занятий проявляется в портретной живописи Италии не ранее середины XVI в. и не столь активно. Такие работы, как «Школа в Тагасте» Беноццо Гоццолли (Сан-Джиминьяно, Сант-Агостино), лишь необходимые иллюстрации, в конкретном случае – к житию Блаженного Августина. Эта колоритная зарисовка процесса получения школьного образования (явно не времен Августина) – прекрасное живописное свидетельство того, как проходило обучение большинства детей среднего класса, героев маленьких историй. Изобразительный материал такого рода не столь изобилен, как трактаты по воспитанию и образованию. Впрочем, на наш взгляд, это вполне объяснимо. Из сочинений гуманистов следует, что они понимали детство как чрезвычайно важный, может быть, самый важный период для формирования целостной и совершенной личности. Поскольку цель воспитания – создать такую личность, интерес сосредоточивается на конечном результате, так же как он

сосредоточивается у художника, скульптора, архитектора. Поэтому важны трактаты, разъясняющие способы достижения цели: порядок действий, их смысл, необходимость, все, что приводит к желаемому результату. Подобных трактатов тогда появилось много во всех областях теоретического и прикладного знания. Но изучение, а следовательно, и изображение (запечатление) самого процесса – такая задача перед их создателями вставала редко. Кроме того, собственно процесс может быть отражен в живописи только через жанр (и то не особенно полно), а жанровой живописи в XV в. еще нет. Лишь со второй половины следующего столетия Италия внесла свой вклад в ее развитие. Тогда возникают и сценки, в которых мир детства начинает обретать самостоятельность.

На полотнах Софонисбы Ангишолы изображены ее сестры, играющие в шахматы (см. илл. 6), ее отец с младшими детьми; в групповом портрете детей из неизвестного семейства присутствует собака, которую они держат на руках, и вряд ли она играет символическую роль; и, наконец, совершенно жанрово выглядит знаменитый рисунок с изображением плачущего мальчика, которого рак ухватил за палец, и смеющейся над ним девочки (Неаполь, Каподимонте). Софонисба не имела своих детей, но она выросла в большой и дружной семье, и, похоже, что ее отец, Амилькар Ангишоло, с блеском осуществил на практике рекомендации трактатов по воспитанию и образованию.

Наконец, в XVI в. появляются довольно редкие работы, к числу которых относятся, например, Мальчик с рисунком Карото (Верона, Кастельвеккьо) и Портрет Антоньетты Гонзалес Лавинии Фонтана (замок Блуа). Их нельзя выделить в самостоятельную группу детских портретов. Это получившие распространение уже со следующего столетия изображения «курьезов природы», и возраст тут не играет роли. В первом случае мы имеем дело с так называемым синдромом Ангельмана, во втором – с обычным атавизмом.

Естественно, что в большинстве детских портретов XV–XVI вв. изображены отпрыски состоятельных семей, которые в силу происхождения имели возможность получить соответствующее запросам времени образование и занять место в высших слоях общества. Собственно, так было всегда, просто со временем доступное лишь немногим делается распространенным, то, что было расточительным для одного поколения, становится привычным для другого.

Этим, как мы полагаем, объясняется стремление ряда современных авторов представить период детства с эпохи Средневековья и вплоть до XVIII столетия как своего рода кошмар, а Возрождение – начало избавления от него⁸⁵.

Разумеется, жизнь детей и их воспитание значительно различались и зависели прежде всего от общественного положения их родителей. Различались и задачи воспитания. Подготовка же была напрямую связана с экономическим уровнем и запросами общества. Идея создания ренессансного uomo universale родилась в недрах общества, накопившего достаточно средств, чтобы осуществить эту идею хотя бы в небольшом объеме. Искусство этого времени, благодаря значительной секуляризации общества, обрело возможности для передачи самых разных форм и явлений жизни, в том числе и мира детства. И судя по тому, как запечатлевались эти явления, мир детства еще не вычленялся из общего жизненного потока, за ним признавалась особость, но так же, как она признается и за любым другим природным или социальным явлением.

⁸⁵ Де Моз Л. Психоистория. Ростов н/Д, 2000.

Н. В. Ревякина

Гуманисты о приличии детских нравов

Гуманистическое образование и воспитание включают в себя как важную составную часть воспитание достойного поведения, учтвого обхождения, «приличия детских нравов». Это необходимая часть воспитания личности, и каким видят гуманисты это воспитание и, соответственно, эту сторону воспитания личности, было бы интересно выявить.

В Средние века воспитание было сословным, рыцарь воспитывался иначе, чем горожанин или крестьянин, не говоря о детях, которых готовили к духовной карьере. В школьных документах о воспитании, письмах учителей и родителей, коммунальных документах о поведении пишут не часто. Вот один из таких документов от 1372 г. В перечне обязанностей магистра Бартоломео Кальвето, ректора школ в Куорньо, сказано, что учитель «обещал воспитывать вышеназванных школяров в страхе и любви к Богу и в добрых нравах, [чтобы они] были почтительными, послушными, смиренными, честными, чтобы не говорили неподобающих вещей, дурных слов, лжи, особенно в отношении родителей. Также обещал в праздничные дни после мессы и вечерни излагать школярам [труды] некоторых благочестивых и духовных отцов, водить школяров парами в церковь и следить, чтобы они стояли в церкви не двигаясь и вели себя благопристойно и благочестиво, были причесаны и умыты»⁸⁶. Учитель должен был наставлять школяров, чтобы они не играли и не пели по дороге, не бросали камни, не говорили дурных слов, не клялись и не богохульствовали, не поминали дьявола и не делали других неподобающих вещей. Он должен был вместе со школярами участвовать в процессиях, сопровождающих городские праздники.

Как видим, здесь соединяются нравственные, религиозные и социальные задачи, выступающие как понятные детям правила поведения, и цель всего этого – адаптация ребенка к обществу.

В педагогических трактатах гуманистов XV в. речь идет об образовании, нравственном и телесном воспитании; немногочисленные поведенческие рекомендации (в трактате Верджерио, воспоминаниях о Витторино да Фельтре) во многом подчинены нравственному наставлению или связаны с королевским титулом ученика (в педагогической работе Пикколомини). Из итальянских гуманистов, пожалуй, только Веджо обратил на поведение детей серьезное внимание, посвятив этому вопросу из шести книг своего педагогического трактата «О воспитании детей и об их достойных нравах» (написан между 1445–1448 гг.) две книги (5-ю и часть 6-й)⁸⁷. Его трактат – это книга, обращенная к родителям и их детям и наставляющая их.

В XVI в. тема поведения детей продолжена Эразмом, написавшим трактат «О приличии детских нравов» (1530)⁸⁸. Эразм читал трактат Веджо, оказавший на него сильное влияние, но полагал, что автор его – Филельфо, однако на итальянских гуманистов Эразм не ссылается. Трактат «Приличие (учтивость) детских нравов» написан для Генриха Бургундского, сына герцога Адольфа Вернанского. Но Эразм адресует его всем детям: он пишет Генриху не

⁸⁶ Цит. по: *Frova C. Istruzione e educazione nel Medioevo*. Torino, 1974. P. 115.

⁸⁷ Трактат Веджо в результате неправильной атрибуции был издан под именем Франческо Филельфо в Париже в 1508 г. и в Тубингене в 1513 г.: *Francisci Philelphi. De educatione liberorum clarisque eorum moribus*. Tubingae, 1513. Трактат был использован нами в тубингенском издании (в ссылах: *Vegio M. De educatione liberorum*). Современная публикация трактата – *Vegio M. De educatione liberorum et eorum claris moribus libri sex*. Washington, 1933–1936. Lib. 1–3 / Ed. by M.W. Fanning; Lib. 4–6 / Ed. by A. St. Sullivan – нам была недоступна.

⁸⁸ Вольное переложение трактата Эразма Елифаном Славинецким без указания его имени известно в России еще в XVII в.; в 1788 г. вышел в свет перевод с параллельным латинским текстом (*Civilitas morum puerilium*) под названием «Эразма Роттердамского молодым детям наука, как должно вести себя и обходиться с другими» (пер. У.А.М. – учитель Александр Мельгунов, по разъяснению М.П. Смирнова). В работе использовано это издание трактата, в ссылах: *Эразм Роттердамский. О приличии детских нравов*.

потому, что тот нуждается в его наставлениях, но «чтобы молодые дети тем охотнее изучали сии правила, что они посвящены преукрашенному счастьем и преисполненному доброй надежды детищу. Понеже сие непосредственное всему юношеству будет побуждением, когда они увидят, что и самих героев дети посвящают себя наукам и вместе с оным текут на одном поприще»⁸⁹. Мысль издать труд для всего юношества Эразм повторит и в конце введения к работе: «если прилично, чтобы всякий человек был хорошо расположен духом, телом, поступками, одеждою, то наипаче нужно детям наблюдать всякую благопристойность и особенно из них благородным»⁹⁰. А благородными Эразм считает «всех тех, которые ум свой просвещают свободными науками. Пусть иные на гербах своих изображали Львов, Орлов, Быков и Леопардов, однако те более имеют истинного благородства, которые вместо оных столько могут иметь у себя знаков, сколько переучили свободных наук»⁹¹.

Тем, кто происходит от благородных родителей, стыдно не соответствовать нравами своему роду, – Эразм здесь следует традиционному мнению о связи благородства рода и морального достоинства, ему присущего. Но в конце работы он высказывает вполне гуманистический взгляд: «А те, кому счастье (фортуна) определила быть простолюдинами (*plebei*), в низком состоянии или крестьянами (*agrestes*), тем более стараться должны, чтобы то, чего им не дало счастье, вознаградить изящностью нравов»⁹². «Родителей или отечество никто себе выбрать не может, а разум и хорошие нравы всякий в состоянии приобрести»⁹³. У Эразма и вообще у гуманистов XVI в. социальные мотивы, по сравнению с гуманистами XV в., звучат более сильно, они внимательнее присматриваются к социальной ситуации в обществе. Но учитывая неравенство в социальном положении, Эразм дает одинаковые для всех детей рекомендации по воспитанию благопристойного поведения.

Трактаты Веджо и Эразма отделяют свыше 80 лет, что, несомненно, сказывается на их содержании. Гуманизм XV в. еще не освободился от зависимости от древних авторитетов, и Веджо это убедительно демонстрирует: его трактат переполнен ссылками и примерами из античных и раннехристианских авторов, и среди этого изобилия тонкой ниточкой вьется мысль самого гуманиста. Практически он не рассчитан на детское восприятие, хотя Веджо и пытается оживить образами свои конкретные рекомендации. У Эразма все иначе. Его сочинение содержит минимум ссылок на античных и раннехристианских авторов, оно написано ясным и доступным для ребенка языком, наполнен образами, сравнениями и оборотами, понятными для детей. Порой Эразм обращается к живописи (испанским картинам).

В трактатах обоих гуманистов ощущается влияние физиогномики, приписываемой Аристотелю и очень популярной в гуманизме, но ссылок на нее в работах Веджо и Эразма нет. Гуманисты ссылаются и на природу: Веджо говорит, что движение должно быть естественным, пусть природа формирует движение. Эразм: «Что само по природе пристойно, то не может не почтеться у всех таковым же». Эразм называет еще и обычаи страны: «Но не у всех равное счастье или достоинство, и не у всех народов почитается одно и то же приличным, так что надо сообразовываться с обычаем, со страной и со временем, которому повиноваться разумные люди повелевают»⁹⁴. Это касается прежде всего одежды – «тела нашего тела», через которую можно узнать расположение души. Но не только. Но и в старинных картинах можно в лицах и глазах видеть расположение души.

⁸⁹ Эразм Роттердамский. О приличии детских нравов. С. 5.

⁹⁰ Там же. С. 7–9.

⁹¹ Там же. С. 9.

⁹² Эразм Роттердамский. О приличии детских нравов. С. 103.

⁹³ Там же. С. 105.

⁹⁴ Там же. С. 37.

Какие же вопросы обсуждают в своих работах гуманисты? Поведение у Веджо неразрывно связано с нравственностью, являясь как бы ее продолжением. Пятая книга, посвященная ему, названа *De castitate seu pudicitia*. *Castitas* – нравственная чистота, целомудрие, *pudicitia* – стыдливость, целомудрие, скромность. А потом еще вводится термин *verecundia* – робость, стыдливость, застенчивость, почтительное отношение, уважение. В 1-й главе пятой книги трактата говорится о чистоте и целомудрии подростков. Во 2-й – о крайне необходимой сдержанности языка для подростков, в 3-й – о том, что должно управлять походкой и жестами, в 4-й – об одежде (плаще), использовании зеркала и благовоний и в какие платья следует облачаться. В шестой книге тема частично продолжена, поскольку в 1-й главе обсуждаются вопросы «о том, что следует избегать многословия и обжорства» и во 2-й – «насколько должно соблюдать уважение в священных местах». Однако пятой и шестой книгам о пристойном поведении предшествует четвертая книга об отношении к людям – родителям, родственникам, наставникам, товарищам с ясно звучащими там идеями морального воспитания, которые усиливали нравственные мотивы в последующих пятой и шестой книгах трактата.

У Эразма в семи главах трактата, дающего советы и рекомендации по приличному поведению, ясно определен круг вопросов. Они рассматриваются в главах 1. О теле; 2. Об одежде; 3. Об обычаях в церкви; 4. О пирах; 5. О собраниях; 6. Об игре; 7. О спальне (две последние главы очень небольшие по размеру). Самые большие – 1, 4 и 5.

На что ориентируют подростка гуманисты? Веджо пишет: «Все, что делают юноши, они должны делать так, чтобы не было никакого неодобрения (порицания), чтобы это ничей авторитет (*nomen*) не уменьшало, ничьего права не оскорбляло, не наносило никому ущерба, особенно же они должны соблюдать чистоту тела и любить целомудрие»⁹⁵. Связь нравственных и социальных задач очевидна, как и ориентация на внешнее одобрение. «Пусть юноши хранят незапятнанными и нерушимыми чистоту, ничего нет для этого возраста более достойного и ценного, ничего, что принесет большую похвалу, любовь людей, ничего, что ближе к *verecundia* и более связано с *pudicitia*»⁹⁶. И далее идут примеры из античной литературы и Библии, свидетельствующие о высокой оценке этих качеств.

У Эразма внешнее одобрение тоже важно. Хотя знание обхождения Эразм не считает «обширнейшей частью философии», он уверен, что оно «весьма много способствует к снисканию у других любви и к открытию пред очами людей превосходных души своей талантов»⁹⁷. Ориентация на внешнее одобрение, как видим, соединена у Эразма с признанием богатства личности ребенка.

Поскольку поведение детей у Веджо неразрывно связано с нравственностью, первая глава и посвящена чистоте и целомудрию подростков. А далее описывается проявление душевных качеств в языке, жестах, глазах, походке. Веджо пишет о том, как должен держать себя ребенок сообразно принципам нравственности. И далее говорит о языке. Речь должна быть целомудренной: нельзя употреблять непристойных слов, ибо дурные разговоры развращают добрые нравы, как сказал ап. Павел. В бесстыдстве речи обнаруживается жизнь человека – она как бы демонстрирует дурной образ его мыслей. Особенно юноши должны удерживаться от ругани, постыдных и бранных слов, которые обличают рабскую душу по словам Аркесилая⁹⁸.

Неприятна привычка говорить резко и грубо, и, напротив, говорить легко, приветливо, культурно очень способствует любви людей. Но не подобает пользоваться шутками более игривыми (распущенными), чем допускает честь.

⁹⁵ *Vegio*. De educatione puerorum. f. 44v.

⁹⁶ Ibid.

⁹⁷ Эразм Роттердамский. О приличии детских нравов. С. 7.

⁹⁸ *Vegio*. De educatione puerorum. Ibid. f. 45v.

Надо избегать говорить опрометчиво и необдуманно, следует наложить скрепы на язык, чтобы сдерживать его беспечность. Стена зубов и губ, словно от природы созданная охрана, противостоит разнузданной речи. Мы должны говорить то, что знаем наверняка, или тогда, когда не позволяет промолчать наше достоинство (Исократ). Глупец, промолчав, посчитается мудрым. Когда Солон, который молчал среди наперебой говорящих, спросили, почему он молчит, из-за недостатка слов или по глупости, он ответил, что никакой глупец молчать не может⁹⁹.

Веджо против болтливости: говорить надо, когда потребует дело, время и место. Далее следует целый ряд наставлений: не лгать, что свойственно врагам, не выбалтывать тайн, не злословить, не нашепывать, не быть двуличным. Язык – наше и благо и зло одновременно (Анахарсис), поэтому главное наставление Веджо – научиться его сдерживать, и тогда прослышешь добрым и мудрым и жизнь будет более радостной и спокойной.

У Эразма учтивое обхождение понимается как более независимое и составляет часть воспитания, третью часть «предмета детского наставления» вкупе с благочестием и изучением свободных наук. И начинает Эразм не с языка, а с лица, которое он, в отличие от Веджо, ставит на первый план, рассматривая пристойный вид всех его частей – глаз, бровей, носа, щек, губ, зубов, лица в целом. Взгляд должен быть спокойный, целомудренный, благочинный, демонстрировать кроткий и дружественный дух, а не угрюмый, что бывает признаком свирепости. Взгляд не должен быть неистовым, что бывает доказательством бесстыдства. Нельзя выпучивать глаза, что есть дело безумных, и смотреть с прищуром, что свидетельствует о непостоянстве. «Непристойно прищуривши один глаз смотреть на кого-либо, ибо что сие означает, как не самого себя делать кривым? Таковой поступок уступим мы одноглазым и кузнецам». Брови должны быть «по челу распростерты», не сведены одна с другой, что есть знак угрюмости; не приподняты вверх, что означает гордость; не нависшие над глазами, что есть дело злоумышленников. «Чело должно быть веселое, живое, изображающее мысль саму себя сознающую, и рассудок свободный; не сморщенное, как у стариков, не движущееся, как у ежей, не угрюмое, как у быков». И далее Эразм подробно описывает, как следует чихать, сморкаться (не в шапку или платье), смеяться, кашлять («ежели будет тебя мучить кашель, то берегись, чтобы другому не накашлять в рот»), соблюдать чистоту в зубах, в голове, причесывать волосы¹⁰⁰

⁹⁹ Ibid. f. 46.

¹⁰⁰ Эразм Роттердамский. О приличии детских нравов. С. 9–23.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.